

ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

№ 18

СЕНТЯБРЬ

1926 г.

Содержаніе:

	Стр.
Антипъ. Разказъ Л. Кормчаго съ рис.	155
Ермакъ. Истор. пов. В. Радича съ рис. (Окончаніе).	161
Сибирская степь. Стихотв. Виталія Вячеславскаго.	166
Странная дружба. Разск. Роберта Дайни съ рис.	167
Слѣдопытъ. Стих. Вл. Гущика.	170
Тароватый покупатель. Страничка были Л. К.	171
Изъ книги природы :	
Свѣченіе моря. Очеркъ (съ рис.).	172
Какъ узнать возрастъ рыбы? (съ рис.).	173
Фотографъ-любитель.	174
Конкурсъ фотографовъ.	174, 175 и 176
Юный филателистъ.	177
Спортъ (съ рис.).	178
По свѣту:	
Городъ-гигантъ. Оч. Е. Г-гъ (съ фотогр.).	180
Юные нарушители закона (съ фотогр.).	182
Обо всемъ понемногу:	
Изъ исторіи компаса. Аэропланъ безъ мотора. Вигвамъ на крышѣ небоскреба.	182
Игры и занятія.	184
Юморъ	184
Конкурсъ задачъ	185
Объявленія	
Приложеніе: С ъ р ы й д о м и к ъ, романъ Л. К о р м ч а г о съ рис. Г. Дайбера, листь 6-ой.	

Солнце заходило.

Багровое зарево пылало далеко за просторомъ залива, и кроваво-красныя полосы дрожали, переливаясь въ легкой ряби рѣки; словно тянулись вдогонку нашему челноку червонно-золотистыя руки, неуверенныя и дрожащія, пытаясь обнять его и утащить назадъ, туда, гдѣ горѣлъ закатъ. Тростники тихо шуршали, переплетая длинныя, тонкія листья, и шептала что-то рѣка торопливо бѣгущими струйками. Было тихо кругомъ. Звенѣли только кузнечики въ высокой прибрежной травѣ, да подчасъ, словно стонъ, доносился далекій и унылый свистъ шаровоза.

Вдалекѣ, за спокойной шириной воды, легкой, какъ дымокъ, туманъ поднимался съ полей Вольнаго острова и клубился, вползая на темную полосу лѣса, принадлежа къ прогалинамъ.

Мы возвращались домой, проведя цѣлый день на пустынномъ Вольномъ островѣ. Толь гребъ не торопясь, неслышно погружая въ воду весла, точно боясь нарушить тишину лѣтняго вечера; я полулежалъ, откинувшись туловищемъ на корму челнока.

Мы молчали. Впечатлѣнія дня, проведеннаго на свободѣ, среди березовыхъ зарослей острова да простора залива, создавали особенно пріятное настроеніе. Чувствовалась легкая усталость, и томная лѣнь охватывала тѣло. Хотѣлось только лежать и прислушиваться къ рѣдкимъ звукамъ вечера, къ шопоту водяныхъ струекъ да, сощутивъ глаза, смотрѣть на сверкающую въ водѣ полоски краснаго свѣта. А полоски эти становились нѣжнѣе, тоньше, словно таяли въ темнѣющей глубинѣ.

— Кого, — вдругъ обратился ко мнѣ Толь, — пойдемъ къ Михею. Вотъ онъ съ сѣтями возится!

Михей — старый рыбакъ — былъ нашимъ большимъ пріятелемъ. Частенько, въ тихія лѣтнія ночи, забиралъ онъ насъ съ собою на ловлю, а въ часы досуга рассказывалъ великолѣпныя исторіи, которыхъ у него имѣлся неисчерпаемый запасъ. Мы любили старика, да и онъ къ намъ былъ далеко неравнодушенъ, хотя, впрочемъ, наружно не любилъ проявлять своихъ чувствъ.

Челнокъ нашъ направился къ берегу, гдѣ склонилась возлѣ чернаго смоленого баркаса сухая плечистая фигура въ красной рубахѣ.

— Михей! Мы къ тебѣ! — крикнулъ я старику.

— Помогать! — весело добавилъ Толь, сильнымъ ударомъ весла вгоняя челнокъ въ тростники.

Рыбакъ приподнял голову.

— Помощники! — заворчалъ Михей. — Нечя сказать — помощники! Ну, ну... Ужъ не юди... — принялся затѣмъ старикъ отбиваться отъ нашихъ слишкомъ шумныхъ привѣтствій. — Чего накинулись? Пришли, такъ не мѣшай... Сиди смирно, а то и въ воду сброшу... Башкибузюки. Ишь...

— Съѣть чинишь, а? Давай я зачищу! — сказалъ Толь и выхватилъ изъ рукъ рыбака иглу. — Я скорѣе почищу. Вотъ увидишь!

— Экій озорникъ! Да нешто можно такъ? Скорѣе! Эхъ, юла!

Но ворчалъ старикъ только по привычкѣ: на самомъ дѣлѣ онъ ничего не имѣлъ противъ услуги.

— Не сердись, Михеюшка! Вѣдь тебѣ же лучше, — смѣясь, извинился Толь. — Смотри, какъ у меня хорошо выходитъ.

И на самомъ дѣлѣ Толь быстро принялся чинить дыру за дырой. Мы оба въ совершенствѣ переняли отъ Михея искусство чинить невода и чуть ли не

проворнѣ его справлялись со всякими ихъ поврежденіями.

— Ну, чини себѣ! — ласково отозвался старикъ, не безъ удовольствія слѣдя за проворной Толиной работой. — А гдѣ вы путались въ челнокѣ?

— А мы съ Вольнаго.

— То-то съ Вольнаго, путаники. А чего на Вольномъ-то забыли?

— Ничего. Такъ просто... Съ утра мы тамъ были, — отвѣтилъ я, умѣщаясь возлѣ Михея на сѣти.

— Съ утра... Знаю, что съ утра. Поди нужны вы тамъ! А тутъ Агафью за вами присылали: молъ пропали совѣтъ... Эхъ, нешосьды!

Старикъ укоризненно покачивалъ головой, и рѣдкая сѣдая борода его при этомъ забавно потряхивалась.

— Ну и что-жъ тамъ худого, Михей? — отозвался Толь. — Чѣмъ ворчать, рассказать бы намъ чего-нибудь поинтереснѣе.

— Да, рассказчика нашли. Тоже... худого чего... Тутъ ницуть ихъ, а они на Вольномъ.

Болтая, мы довольно долго просидѣли у старика. Сѣтъ была починена, и Михей, уже добродушно ворча, склонился надъ ней.

Роса бѣлымъ покровомъ поднялась съ полей, и курилась туманомъ ширь залива. Съезжилось зарево на западѣ, и въ Екатерингофкѣ потухли красныя полоски. Стало сыро и прохладно.

— Ну, домой пойдемъ, что ли? — сказалъ Толь поднимаемаясь.

Я молча всталъ.

— Прощай, Михей! — крикнули мы рыбаку и хотѣли было тронуться въ путь; но вдругъ изъ травы вынырнула какая-то странная фигура. Мы даже попятнулись отъ неожиданности.

— Кто это, Котъ? — удивленно шепнулъ мнѣ Толь.

— Не знаю.

Изъ высокой прибрежной травы пробиралось къ намъ странное существо. На немъ была рубаха, мѣстами разорванная и разстегнутая въ воротѣ, какого-то неопредѣленнаго цвѣта, и не менѣе печальнаго вида штаны. Перепутанные, всклокоченные сѣдые волосы на непокрытой головѣ и лицо, почти сплошь заросшее длинной сѣдой же бородой и усами, придавали ему странный и дикій видъ.

Онъ осторожно, крадучись, подвигался къ намъ, почти безшумно шагая по

Изъ прибрежной травы пробиралось къ намъ странное существо.

травѣ. Въ рукѣ у него была суковатая палка, и немудрено, если мы испугались.

— Михей! — закричали мы, подбѣгая къ рыбаку.

— Ну чего? — изумленно поглядѣлъ на насъ старикъ, отрываясь отъ работы.

— Смотри, кто это тамъ? — указали мы на страннаго человѣка.

Старикъ поглядѣлъ на незнакомца.

Сперва на его обвѣтренномъ лицѣ было видно только любопытство. Приложивъ къ бровямъ ладонь, точно глядя противъ солнца, рыбакъ съ минуту смотрѣлъ на кривуюся къ намъ фигуру. А тотъ, какъ ни въ чемъ не бывало, приближался къ намъ, словно не замѣчалъ нашихъ внимательныхъ взоровъ. Широко ступая босыми ногами, онъ глазъ не сводилъ съ насъ, — по крайней мѣрѣ мнѣ такъ казалось, — и по мѣрѣ его приближенія я начиналъ чувствовать жуть.

Странный незнакомецъ находился не болѣе какъ въ 10 шагахъ отъ насъ, и я подумывалъ уже о томъ, что недурно было бы задать тягу отсюда, но хладнокровное поведеніе Михея удержало меня.

— Антипушка! — окликнулъ Михей незнакомца. Окликнулъ какъ-то особенно ласково. Странный человѣкъ вздрогнулъ и остановился. Палка выскочила у него изъ рукъ, и самъ онъ съезжился.

— Антипушка! поди сюда... Слышь... — подойдя къ нему, еще ласково проговорил старикъ такимъ тономъ, какимъ говорятъ обыкновенно съ дѣтьми или съ помѣшанными.

Въ отвѣтъ Антипушка забормоталъ что-то несвязное и покорно пошелъ за Михеемъ къ сѣти. Пошелъ онъ теперь, озираясь какъ - то жалко - боязливо. И глаза у него были очень странные, выражавшіе что-то болѣзненно-придавленное.

— Сумасшедшій! — шепнулъ мнѣ Толь.

Я тотчасъ же согласился съ другомъ: странный незнакомый не могъ произвести другого впечатлѣнія.

Теперь мы съ любопытствомъ, перемишаннымъ, впрочемъ, съ боязнью, слѣдили за Антипушкой.

Онъ присѣлъ на край сѣти на корточкахъ, пристально разглядывая ее, а Михай стоялъ возлѣ, съ тоской глядя на него. Точно какія-то тяжелыя воспоминанія нахлынули вдругъ на рыбака, забросивъ тоску въ глаза и болѣзненно сдвинувъ брови.

— Антипушка, — вполголоса шепталъ рыбаку, — откуда ты, сердешный?

Но Антипушка не слышалъ. Руки его перебирали сѣть, а губы шептали что-то, чего мы не могли разобрать.

— Антипушка, чего ты? — положивъ руку ему на плечо, спросилъ Михай.

Тотъ вздрогнулъ. Потомъ вдругъ схватилъ руками сѣть и захохоталъ. Захоталъ хрипло и дико, такъ что я невольно задрожалъ при первыхъ звукахъ этого смѣха. Хриплый и дикій хохотъ, лишенный жизни смѣха, былъ похожъ на скрипѣніе десятка дергачей, если бы они вздумали хоромъ затянуть свою пѣсню.

— Ха... ха... ха... рыбку ловить... ха... ха... А въ рыбкѣ мальчонка... Ха... ха... ха... мальчонка...

— Антипъ, Антипъ! Богъ съ тобой! Чего ты, сердяга?

Михей ласково трепалъ его по плечу, но Антипъ не успокаивался и, дрожа отъ дикаго смѣха, потрясалъ сѣтью, судорожно зажавъ ее въ рукахъ.

Грустно глядѣлъ на него старый рыбаку, сокрушенно покачивая головой и не снимая руки съ широкаго, нѣсколько сутулагаго плеча.

— Эхъ, Антипъ, Антипъ...

Сумасшедшій вдругъ пересталъ хохотать. Выпустивъ изъ рукъ сѣть, онъ пристально поглядѣлъ на Михея.

— Не узнаешь, Антипушка? Михея-то не помнишь? — спрашивалъ его рыбаку.

По лицу помѣшаннаго пробѣжала судорога, и на секунду въ глазахъ появилось что-то осмысленное, точно проскользнуло вдругъ въ больному мозгу какое-то воспоминаніе. Онъ совсѣмъ притихъ.

— Ва... ва... ва... — точно вспоминая что-то трудное, забормоталъ онъ. Потомъ подперъ рукой голову, помѣстилъ локоть на колѣно и замолчалъ.

Михей тоже молчалъ. По коричневому отъ загара лицу его пробѣгало что-то больное, скорбное, и глаза жалостливо глядѣли изъ-подъ хмурыхъ сѣдыхъ бровей на сгорбленную фигуру Антипа.

— Бѣдный, Господи! — чуть слышно вздохнулъ Михай, и этотъ вздохъ точно оторвалъ Антипа отъ какихъ-то размышлений.

Онъ поднялся на ноги и началъ торопливо креститься.

— Господи, помилуй... Господи, помилуй... Дай великую десятку... Помянемъ...

Михей молча вынулъ большой засаленный кошелекъ съ присохшими къ нему рыбьими чешуйками.

Глаза Антипа жадно слѣдили за рыбакомъ, и, когда Михай вынулъ мѣдный пятакъ, онъ быстрымъ движеніемъ выхватилъ его изъ руки, засмѣялся и торопливо пошелъ...

— Антипъ! — позвалъ его Михай.

Антипъ даже головы не повернулъ. Пригнувшись, онъ пробирался куда-то странной, крадущейся походкой и что-то громко бормоталъ.

— Ни за грошъ пропалъ человекъ, ни за грошъ! — тяжело вздохнулъ Михай. — И какой человекъ!

Михей говорилъ самъ съ собой, глядя вслѣдъ рубахѣ Антипа, грязнымъ пятномъ двигавшейся поверхъ травы.

— Кто это? — спросили мы.

— Да такъ... рыбаку одинъ, — точно нехотя отвѣтилъ Михай.

— Онъ... сумасшедшій?

— Да... Убилъ его Господь... Эхъ, и рыбаку же былъ! Мало нонѣ такихъ... А вѣдь подумаешь, какъ погибъ человекъ... Зря...

— Михай! — просительно протянулъ я, — отчего онъ съ ума-то сошелъ?

Михей точно не слышалъ вопроса и задумчиво смотрѣлъ черезъ поле, гдѣ скрылся въ росномъ туманѣ Антипъ.

Замолчали и мы: как-то неловко было мѣшать старику, задумавшемуся о чем-то грустномъ.

— А вотъ и съ чего... — раздумчиво протянулъ наконецъ рыбакъ. — Несчастье вышло... Страшное несчастье... По-сѣтилъ Господь... А и рыбакъ же былъ!...

— Скажи, Михай, что случилось съ нимъ? — заинтересовались мы: за Антипомъ скрывалась какая-то исторія и видно было, что Михай знаетъ ее. Это заставило насъ пристать къ рыбаку энергичнѣе.

— Что жъ? Можно сказать... О несчастьѣ людскомъ, пискари сушеные, не грѣхъ рассказывать.

Онъ помолчалъ немного, очевидно, вспоминая свою грустную повѣсть. Потомъ началъ.

— Чай видали, малыцы, у Шереметевки избу? Развалилась она теперь... Крышата снесена, да чуть не полъ-избы по бревнышку растаскали... Да и бревно-то поди трухлявое уже — на дрова развѣ только. Видали поди?

Изба, о которой говорилъ Михай, была намъ хорошо знакома. Почти у самаго лѣса стояла она на берегу Екатерингофки. Безъ кровли, съ повыдерганными изъ стѣнъ бревнами, она производила унылое впечатлѣніе разореннаго уюта. Мы даже побаивались избушки...

— Ну такъ вотъ... Въ избѣ-то теперь рази нетопырѣ живеть, да гадъ какой заползеть, а раньше-то въ ней Антипъ проживалъ. Давно это было. Лѣтъ около 20 будетъ... Да, 20 набѣжить. Хорошая въ тѣ поры изба была, высокая, съ конькомъ, не хибарка какая-нибудь... Сарая два было при ней — да для коровъ тожъ стойло, потому женать былъ Антипъ, и жена молоко барамъ носила... Хорошо жили! Горница большая, достатку много. (нѣ, Антипъ-то, первымъ рыбакомъ въ округѣ былъ. Хотъ и не много насъ въ округѣ-то было — всего шесть рыбаковъ. Это значить: я, потомъ Антипъ, за Амеляновкой Хворостъ-дѣдъ жилъ, па Вольномъ Матвѣичъ и Александръ, да на Рѣзвомъ еще Митрій — престарый рыбакъ съ внукомъ былъ. Вотъ и всѣ. Мало было, да рыбаки все степенные, не по десятку лѣтъ заливъ мѣрили. Все серьезные рыбаки, ну, а только всѣмъ далеко до Антипа. Рослый былъ онъ да сильный, а заливъ зналъ лучше поди, чѣмъ свою горницу. Уловы были богатые въ

тѣ пору; Питерь близко... Ну, и жили прииѣваючи. Антипъ рыбой, Марья, жена-то его, — работячая, хорошая баба была, — молочишкомъ тожъ приторговывала; а семьи-то всего, что онъ да Марья, ну и сынишка еще у нихъ былъ, по двѣнадцати годуку всего. Шустрый, какъ и вы, пострѣлята, ну да поласковѣе васъ то былъ, — спохватился Михай, что невзначай похвалилъ насъ.

— Ну, понятно, души они не чаяли въ мальчишкѣ. Любили, какъ съ золотомъ плянчились, и то сказать, не было того человѣка, что не любилъ бы Васютки. Ласковый да веселый такой былъ мальчонка. Бывало, придетъ къ тебѣ, пострѣля, такъ растормошитъ всего, хохотомъ своимъ всѣ уши протрубитъ, и чего для него ни сдѣлаешь! Ужъ на что дѣдъ-Хворостъ (рыбакъ-то), ему, какъ и мнѣ теперь, подѣ седьмой десятокъ подкатывало, а возилъ его на спинѣ, что жеребецъ годовалый. Ъдутъ бывало—смѣхъ беретъ. Огонь мальчонка былъ.

Михай помолчалъ съ минуту, вздохнулъ...

— Случилось это зимой. Аккуратъ передъ зимнимъ Николой. Морозы стояли злющіе — серьезная зима была! На рѣкѣ ледъ въ аршинъ — совсѣмъ трудно рыбачить стало! Оно зимой, понятно, ловы-то хорошіе, потому — шалая рыба зимой, ну и тяжеленько тоже... Набьешь проруби, подтянешь подѣ ледъ-то подволоку — рыбы уйма, а измучишься нуще каторжнаго... Тутъ бы, кажись, и бросилъ, да надо. И не такъ може надо, какъ охота больше: гдѣ жъ высидѣть рыбаку-то безъ дѣла, безъ ловли-то? Ну, и рыбачимъ. Пробьешь съ вечера проруби, а на утро глядь — и затянуло ихъ льдомъ да снѣгомъ призасыпало, безъ вѣхъ и не найти.

Съ Антипомъ мы сусѣди были. Ну, ловили вмѣстѣ: зимой-то одному не справиться, рыбачили больше на рѣкѣ — сподручнѣе это зимой. Антипъ степенный былъ, а промыселъ зналъ лучше всего. Мнѣ и на руку сусѣдство его.

Вамъ-то, малыцы, чай, не приходилось видывать, какъ это проруби устраиваютъ для ловли? Выбиваютъ, стало быть, круглыя проруби врядъ поперекъ рѣки двѣ-три, а то и четыре (это по надобности), а потомъ внизъ по рѣкѣ такихъ рядовъ тоже по усмотрѣнію сколько нужно, и ряды-то такъ идутъ, чтобы прорубь ак-

курать супротивъ проруби была, и такъ саженъ по 2, по 3 промежду нихъ разстоянія... Поняли, чай?

Михей пріостановился, вопросительно поглядывая на насъ. Понятно, мы сразу усвоили эту нехитрую систему и кивнули утвердительно головами.

— Поняли, Михеюшка!

— То-то, — снова заговорилъ рыбакъ, и по лицу его было замѣтно, что онъ подходилъ къ самому сильному мѣсту своего разсказа: онъ насупилъ брови, а въ ровномъ голосѣ слышались скорбныя нотки, и рѣчь перестала быть плавной... Мы такъ и впились глазами въ старика.

— Ну вотъ и передъ тѣмъ днемъ прорубили мы проруби, какъ нужно, съ вечера, чтобы наутро ловить.

Морозецъ былъ сильный, да сиверко еще гудѣлъ, пересыная снѣгъ, что пылъ сухую. Понятно, прорубь за ночь-то затянетъ льдомъ, ну, да не на аршинъ же, — продавить его дѣло пустое. Поставили вѣхи.

Къ ночи сиверко во всю разошелся. Я и то, ложась вечеромъ, подумалъ, что размечетъ, поди, наши вѣхи, потому и вѣхи-то всего по три хворостины въ снѣгъ воткнуты. Анъ оно такъ и вышло. Утромъ чуть свѣтъ — я къ рѣкѣ. Антипъ тамъ. Увидѣлъ меня, кричитъ:

— Вѣхи всѣ до одной снесло!

Ну, снесло, такъ снесло! Не ловить значить рыбы, — гдѣ станешь разыскивать проруби подъ снѣгомъ. Провалишься еще невзначай.

— Бросимъ, — говорю Антипу. Анъ вѣхи упрямый онъ былъ.

— Даромъ, — говоритъ, — мы потѣли вчера? Поищемъ шестами — найдемъ!

Смекнули мы, гдѣ пробивали первый рядъ. Помнилось мнѣ — словно бы у вербы (росла тамъ такая старая, теперь и ния не осталось). Антипъ другое — ниже, говорить. Ну, ниже, такъ ниже: мнѣ поди все равно, да и запомятовалось — невдомекъ было съ вечера запримѣтить.

Взяли шесты да осторожненько стали щупать. Стукнешь шестомъ — крѣпко, ну на шагъ подвинешься. Бились мы безъ толку часъ, поди, пока Антипъ не нащупалъ прорубь.

— Вотъ, — говорить, — эта и будетъ первая.

И точно: ниже вербы саженъ на пять.

Тогда дѣло пошло на ладъ. Проруби

почти сами находились. Разоднѣло совсѣмъ. Часамъ къ 10 время подходило. Бились мы, послѣдній рядъ искавши. И затменіе какое! Чтобы намъ, дуралеямъ, къ вербѣ податься — вѣдь пропустили рядъ. Такъ нѣтъ же! Что лошадь скверная въ сторону, такъ и мы на низу шарили да диву давались: куда, молъ, ни кинь, все нѣту.

На ту пору Васютка Антиповъ набѣжалъ. Бѣжить къ намъ по льду во весь духъ, ореть издали. Сердце у меня чего-то неспокойное стало. Хотѣлъ крикнуть парнишкѣ, чтобы поопасился, да и самъ думаю: «Къ чему? Тамъ-то (къ вербѣ) прорубей нѣтъ, — нуцай бѣжить!» Да и Антипъ чего-то къ первой проруби вернулся, копаются...

Я-то отвелъ глаза отъ мальчонка да шарю шестомъ по льду. Вдругъ трескъ слышу слабый. Обернулся, глядъ: супротивъ почти вербы провалилось подъ ледъ что-то черное, такъ, комочекъ малый. И Васютки нѣту. Одурѣлъ я, точно дубиной шибануло меня по головѣ. Разумарѣшился: стою и глазѣю...

Антипъ ничего не видалъ. Спиной онъ къ Васюткѣ былъ. Вижу вдругъ, — наклонился надъ прорубью да будто подпихиваетъ что-то шестомъ подъ ледъ. Я самъ не свой бѣгу къ нему. Вдругъ это, ребятаки, понялъ я, что Васютка въ прорубь влетѣлъ...

Бѣгу и ору:

— Антипъ! Антипъ! — А больше-то и вымолвить ничего не могу.

Антипъ воззрился на меня и будто поблѣднѣвши слегка:

— Чего ты? — спрашиваетъ.

— Ва... Васютка-то въ проруби!

Поблѣлѣлъ Антипъ, что снѣгъ сталь. Затрясся.

Кинулись мы къ той проруби, да нѣту, пусто. Дыра только чернѣетъ. Съ налету малый наскочилъ и шкнутъ не успѣлъ, какъ ушелъ весь.

Стоимъ мы съ Антипомъ блѣдные да трясемся со страху. Какъ вдругъ Антипъ, что ошалѣлый, кинулся къ той проруби, гдѣ раньше стоялъ, и ну шестомъ пихать подъ ледъ, вдогонку будто чему. Понятно, нечего тутъ и думать было, да съ горя челоуѣкъ чего несуразнаго ни сдѣлаетъ. Пихаль шестъ, пихаль, да какъ грянется вдругъ на ледъ и закричитъ, — не то, чтобы съ горя заголосилъ, — а такъ страшно закричалъ, что инда морозъ

меня пронялъ подь полушубкомъ. Я къ нему.

— Антипушка, — говорю, — пожалѣй хоть себя-то.

А онъ катается по льду, волосы рветь, лицо парапааетъ. Окрываннлся весь... Кричить такое несурзное:

— Сына... сына утопилъ, окаянный... Окаянный я, Михеюшка... Сына подь ледь... Шестомъ...

Понялъ я тутъ, ребятушки, чего вошлѣ онъ. Въ потъ ударило отъ жути. Странное дѣло, милые, вышло.

Голосъ Михея прервался, и предательски дрогнули рѣсницы. Онъ еще больше нахмурился и почти шопотомъ продолжалъ:

— Мальца-то къ его проруби подтянуло. Течение шибкое, въ минуту и приволокло. А Антипъ отпихнулъ его шестомъ.

— Отпихнулъ?... — въ одинъ голосъ крикнули мы. Дрожь прошла по моему тѣлу, но вызвала ее не вечерняя сырость: это была дрожь ужаса, ледяная, давящая.

— А такъ... Отпихнулъ. Не зналъ, что Васютка это. Думалъ утопшій какой. Въдъ возня съ ними! Изъ-подо льда живого-то все равно не вытащишь, а хлопотъ не обобратъся: полиция, таскать по участкамъ начнутъ, то да се... Подпихнулъ его Антипъ подь ледь, — молъ, Господь простить, а мертвому-то все одно. Анъ тутъ сынъ свой былъ. Поди захлебнётся не успѣлъ еще... Странное дѣло, ребята, вышло!»

Михей замолчалъ. Суровое и холодное

сдавило мою грудь. Толь сидѣлъ блѣдный и точно окаменѣлъ: видно было, что и на него разсказъ тяжело подѣйствовало.

— Ну, а что потомъ съ Антипомъ было? — спросилъ онъ, выходя изъ оцѣпенѣнія.

— Потомъ? въ горячкѣ долго хворалъ Антипъ, а какъ поправился, свихнулось у него въ головѣ. Сталъ заговариваться... Потомъ все больше и больше, и по веснѣ пропалъ совсѣмъ—ушелъ куда-то. Марья коровенокъ продала, заколотила избу и въ Питеръ ушла въ услуженіе къ господамъ... Антипъ годовъ черезъ пять объявился снова, да уже такимъ, во, какъ сейчасъ... Походилъ съ мѣсяцъ и опять пропалъ... Оно, значитъ, хоть и помутилось у него въ головѣ, а тянетъ душенька въ эти мѣста, къ мокрой широкой могилѣ сына... Да...

Михей умолкъ и грустно задумался.

Покойно было кругомъ. Потухло розовое облачко на западѣ, и помутнѣла вода, точно нахмурилась, стала таинственной, загадочной. Бѣлый саванъ росы поднялся выше, закуталъ собою поля, прикрылъ деревья. Въ немъ мелькнуло что-то неясное вдали, точно призракъ человѣка. Былъ ли это одинокій Антипъ, или только причуда тумана?

Кричали рѣзко и хрипло дергачи. Затягиваясь мутнымъ вуалемъ, загадочно и жутко глядѣла Екатерингофка, плѣскавая струйками воды.

Тихо и грустно шептались тростники.

Кинулись мы къ той проруби...

Историческая повѣсть В. Радича.

VII.

Черезъ нѣсколько дней начались приготовления къ далекому походу. Чинили суда, дѣлали новыя крѣпкія обшивы; строгали весла и длинныя правила; шивали паруса и кожаныя палатки; приводили въ порядокъ оружіе. лили пули и ядра для наряда, — работа кипѣла.

Грохотъ молотовъ, визгъ пилъ, стукъ топоровъ — все это сливалось въ одну могучую пѣсню труда, но не подневольнаго труда, а свободнаго, опрокидывающаго всѣ преграды и вступающаго въ бой съ самой природой.

Первое сентября явилось торжественнымъ днемъ въ строгановскихъ поселкахъ. Въ этотъ день флотилія Ермака подняла паруса, чтобы идти въ чужой, суровый край, заселенный народной молвой сказочными существами.

Раннимъ утромъ былъ отслуженъ молебень, и молодецкая ватага потянулась къ берегу рѣки Чусовой, гдѣ на вспѣнныхъ синихъ волнахъ колыхались острогрудыя ладьи, длинные струги и крѣпко слаженные барки.

Удальцовъ провожали именитые братья-хозяева новыхъ земель и толпы поселенцевъ.

— На весла, ребяташки! — раздалась команда Ермака Тимофеевича.

— На весла! — повторили атаманы.

Народъ снялъ шапки и сталъ креститься. Толпа не расходилась

до тѣхъ поръ, пока послѣднее судно не скрылось изъ глазъ.

Ушелъ Ермакъ со своими молодцами, и замолкли всѣ слухи о нихъ.

Но недолго флотилія подвигалась по Чусовой. Начались заморозки. Зима въ 1581 году была лютая, и морозъ быстро сковалъ воды. Нечего дѣлать, пришлось остановиться. Бросили якоря и стали готовиться къ зимовкѣ на пустынномъ берегу. Мелкія суда были выгнаны на берегъ, а тяжелыя барки зазимовали во льду. Растянули кожаныя палатки, сооруженныя на манеръ остяцкихъ юртъ, окружили ихъ какъ изгородью опрокинутыми ладьями и терпѣливо стали ждать весны.

Долго пришлось ожидать, но энергія у этихъ людей была желѣзная. Промышляли они охотой да рыбнымъ ловомъ, устраивая искусственныя полыньи и оцуская сѣти подъ ледъ.

Крѣпко засѣла старуха-зима на берегахъ Чусовой. Солнце стало совсемъ рѣдкимъ гостемъ, а въ февралѣ разыгралась такая пурга, какой не видавали. Таборъ съ утра до ночи былъ окутанъ бѣлой мглой; пришлось оставить не только охоту, но пріостановить и рыбную ловлю. Унылые потянулись дни, и до марта погода не измѣнилась. Въ мартѣ выглянуло солнце. Пурга уже сложила свои бѣлыя крылья. Только высокіе сугробы говорили о ея недавнемъ хозяйничаньѣ.

Солнце дѣятельно принялось за работу. Сначала оно разрыхлило сугробы, потомъ послало ручьи съ наказомъ сверлить и подмывать снѣжную корку. Вскорѣ льды по-синѣли и вспухли, а въ апрѣлѣ надъ пустынными берегами раздался трескъ, грохотъ, и огромныя льдины ринулись внизъ по теченію, напирая другъ на друга и образуя временныя заторы.

Когда рѣка очистилась отъ льда, Ермакъ снова двинулся въ путь, руководствуясь не знаніями, а исключительно отвагой. Народныя примѣты да русское «авось и небось» были его главными руководителями. Желѣзная воля гнала усталость и не давала опускаться рукъ. Флотилія подвигалась впередъ.

Удальцы увидѣли послѣ четырехдневнаго плаванія отроги Уральскихъ горъ, которыя все приближались, приближались, какъ будто сами шли навстрѣчу.

Изъ Чусовой вышли въ Серебряную. Здѣсь горы подступали къ самому берегу. Горные отроги были густо покрыты дремучимъ дѣвственнымъ лѣсомъ. Темный боръ, нависшія, глядящія въ воду скалы — все это было предверіемъ новаго края.

На третьи сутки плаваніе стало затруднительно. Барки, груженныя запасами, остановились, вследствие недостатка воды въ рѣкѣ. Недолго погуляли и лодки. Днища стали касаться дна, и гребцы уже просто подпирались веслами.

— Плохо намъ дѣло, — говорили молодцы.

— Придется назадъ поворачивать, и не видать намъ кучумова царства, какъ своихъ ушей, — твердили атаманы, раздѣляя общее уныніе.

— Снимай паруса! — приказалъ Ермакъ.

Сняли.

— Теперь, братцы, живо поспешайте паруса крѣпкой бечевкой въ одно полотноце: "

Посшивали.

— Что же будетъ дальше? — спрашивали атамана.

— Запрудите рѣку парусами, и мы не то что съ ладьями, а и со стругами и съ барками перевалимъ черезъ мель, — отвѣтилъ Ермакъ.

Нѣкоторые отнеслись недовѣрчиво къ его затѣѣ, но высказать свои мысли не рѣшались. Концы соединенныхъ парусовъ надежно укрѣпили у противоположныхъ береговъ и погрузили въ воду.

Теперь недовѣрлю не было уже мѣста, — запруда подѣйствовала, и вода стала быстро прибывать. Лодки двинулись съ мели, а затѣмъ поднялись и барки. Флотилія двинулась дальше.

Пустынные берега, полные безлюдья, и картины величественной, но суровой, угрюмой природы — все это не могло не отражаться на настроеніи дружины. Рѣже слышался смѣхъ, исчезли обычныя прибаутки, а пѣсня, если и вырвется изъ чьей-либо груди, то унылая какъ окружающая пустыня, и никто не поддержитъ, никто не подхватитъ ея; прозвенитъ и замретъ какой-то жалобой...

Снова встрѣтились путевыя затрудненія, и дружинники волокомъ потянули свои болѣе легкія суда до рѣки Жаравли. Отсюда оцунью они пробрались въ Тагимъ и, наконецъ, въ рѣку Туру, по берегамъ которой жили народцы, подчиненные своему князю Епанчѣ — даннику Кучума. Княжество это состояло изъ татаръ, остяковъ и вогуличей.

Увидѣвъ незваныхъ и непрощенныхъ гостей, инородцы облѣпили берегъ и давай посылать стрѣлы въ дерзкихъ пришельцевъ. На стругахъ рывкнули пушки, и густые ряды нападающихъ дрогнули подъ градомъ картечи. Эта таинственная смерть, сопровождаемая огнемъ, дымомъ и громомъ, подобнымъ небесному, повергла въ панику простодушныхъ дикарей. Они бѣжали вглубь страны, роняя свои луки и колчаны со стрѣлами. Князь показывалъ примѣръ поданнымъ.

Дружина пристала къ берегу и стала жечь улусы*), отрядивъ часть молодцовъ въ погоню.

Пробираясь впередъ, флотилія дѣлала привалы и высылала наиболѣе искусныхъ стрѣлковъ на охоту. Однажды охотники привели съ собой и плѣнника — татарина.

— Кто ты? — обратился Ермакъ къ плѣннику черезъ переводчика.

— Я татаринъ, по имени Таузекъ, — лепеталъ поджарый гость, увѣренный въ своей неминуемой гибели.

— Если ты мнѣ откроешь всю

ко у нихъ нѣтъ такихъ машинъ, какъ у тебя, господинъ, и они не могутъ ни огонь пускать, ни гремѣть.

— А сколько богатствъ накоплено въ вашей столицѣ? — продолжалъ любопытствовать Ермакъ.

Татаринъ прищурился, поднялъ голову кверху, какъ-то зачмокалъ губами и только послѣ паузы пояснилъ:

— У Кучума столько камней самоцвѣтныхъ, сколько у Аллаха золотыхъ звѣздъ.

При послѣднихъ словахъ у Ер-

Инородцы посылали стрѣлы въ деракихъ пришельцевъ.

правду, — сказалъ Ермакъ, — то отпущу я тебя съ честью и одарю, какъ слѣдуетъ, а станешь въ обманъ вводить, самъ на себя пеняй, не помилую.

— Спрашивай, господинъ, и да скараетъ меня Аллахъ, если я скажу неправду.

— Гдѣ живетъ Кучумъ? — было первымъ вопросомъ атамана.

— Царь нашъ живетъ въ городѣ свосмъ, что Сибирью зовется.

— Что жъ это за городъ?

— Это главный городъ Югорской земли.

— А много у Кучума войска?

— О, много войновъ, много, толь-

мака и у бывшихъ вблизи его атамановъ глаза разгорѣлись. Слова плѣнника моментально облетѣли весь отрядъ, и въ этотъ день было рѣшено во что бы то ни стало овладѣть столицей Югорскаго царства.

VIII.

Флотилія Ермака шла по рѣкѣ Тоболу. Атаманы и не подозрѣвали, что къ Кучуму прилетѣли уже вѣсти о нашествіи недруговъ.

Дружины съ присущей русскимъ людямъ безпечною подвигались впередъ, какъ вдругъ въ узкомъ скалистомъ проходѣ выросло неожиданное препятствіе: передовыя ладьи съ разбѣга ударились о ка-

*) Улусы — деревни, поселки.

кую-то препону и стали. Остальные суда тѣмъ временемъ надвигались, такъ какъ кормчіе и атаманы сразу не могли разобрать, въ чемъ дѣло.

Оказалось, что татары перегородили рѣку тяжелыми, крупными цѣпами.

Во время всеобщаго замѣшательства, съ береговъ возвышенностей непріятель осыпалъ отрядъ тучей стрѣлъ. Отвѣтные выстрѣлы русскихъ большею частью пропадали даромъ, такъ какъ воины Кучума и подвластныхъ ему князьковъ прятались за кусты, за камни и оттуда разили врага.

Чѣмъ бы закончилась эта битва, неизвѣстно, но вдругъ Ермака осѣнила счастливая мысль.

— Братцы, — обратился онъ къ атаманамъ, когда ночная темнота прекратила перестрѣлку, — пошлите людей нарѣзать хворосту на островахъ и велите имъ навязать чучель въ родѣ челоуѣка; послѣ однѣмъ чурбановъ въ заласное платье, а сами выберемся на берегъ. Когда станетъ свѣтать, татары не разберутъ въ туманѣ, что за непріятель сидитъ въ лодкахъ, а мы зайдемъ имъ въ тылъ и погонимъ ихъ въ воду...

Сказано — сдѣлано.

Лишь только забрезжило утро, татары снова принялись за прерванную стрѣльбу. Надъ рѣкой курялся синеватый туманъ, и сквозь эту колеблющуюся дымку имъ видны были фигуры ненавистныхъ пришельцевъ, дерзнувшихъ вторгнуться въ ихъ землю.

Пока стрѣлки пронизывали стрѣлами посаженные на лады чучела, ермаковская дружина окружила ихъ съ трехъ сторонъ и, приблизившись подъ прикрытіемъ кустарника, оглушила ружейнымъ залпомъ.

Татарамъ показалось, что на нихъ напалъ новый отрядъ, пришедшій на подмогу товарищамъ, и они бросились вразсыпную.

Путь къ Югорской столицѣ былъ открытъ.

Послѣ цѣлаго ряда схватокъ, и настоящихъ битвъ, Ермакъ приблизился къ Чувашевой горѣ, гдѣ его

ожидалъ самъ Кучумъ съ главными боевыми силами.

Подъ его знамена собралась огромная рать, состоящая изъ отборныхъ воиновъ; но сердце царя сжимаетъ тоска и тревога. У него уже нѣтъ былой увѣренности въ побѣдѣ. Бѣглецы, побывавшіе въ схваткахъ съ Ермакомъ, смутили защитниковъ столицы.

— Русскіе посылаютъ намъ огонь, и ихъ огненные «стрѣлы» пронизываютъ самыя прочныя кольчуги и панцири! — передавалось изъ усть въ уста, и смущеніе росло.

Шаманы тоже понурили свои мудрыя головы и увѣряли царя, что ихъ тревожатъ недобрыя видѣнія. Въ воздухѣ вдругъ вырастаетъ городъ, наполненный христіанскими церквами, и на землѣ слышентъ трезвентъ колоколенъ. Конечно, его слышать шаманы, а не заурядные смертные. Исчезнетъ видѣніе, успокоятся умы, какъ появляется тревожный слухъ. Народъ говоритъ, что отъ рѣки Иртыша прибѣгалъ бѣлый волкъ, а съ рѣки Тобола черная собака... Это тоже считалось признакомъ войны и войны неудачной, такъ какъ собака въ концѣ концовъ загрызла, де, волка. Собака, по толкованію шамановъ, означала русскихъ пришельцевъ.

23 октября грянулъ бой. Дружина Ермака, состоявшая всего изъ 800 удалцовъ, безстрашно бросилась на несмѣтныя вражьи полчища. Татары вначалѣ чуть не раздавили противника, обрушившись на него цѣлой лавиной, но пушечный огонь выручилъ смѣльчаковъ. Смерть отъ огнестрѣльнаго оружія казалась дикарямъ таинственной и ужасной.

Татары послѣ нѣсколькихъ залповъ дрогнули и побѣжали, оставивъ свою столицу на произволь судьбы.

Побѣдоносная дружина Ермака торжественно вступила въ покинутую столицу.

Вѣсть о взятіи Сибири съ быстротою молніи пронеслась отъ края до края, и мелкіе данники Кучума стали искать защиты и покровительства у Ермака.

Ужъ разъ забрались удалцы въ столицу Югорскаго царства, то ихъ выкупить оттуда было не такъ-то легко.

IX.

Раздѣливъ добычу и помянувъ павшихъ въ битвахъ, въ томъ числѣ и своего любимца атамана Никиту Пана, Ермакъ послалъ по слову къ братьямъ Строгановымъ съ извѣщеніемъ о взятіи столицы Югорскаго царства — Сибири; другое посольство отправилось въ Москву подъ предводительствомъ атамана Ивана Кольцо.

Теперь Кольцо безъ страха, безъ смущенія предсталъ предъ грозныя очи русскаго царя. Грозенъ былъ царь для волжскаго удалца, для атамана лихихъ разбойниковъ, но для вѣстника, принесшаго такую вѣсть, какъ покореніе цѣлаго царства, царь былъ милостивъ.

Онъ сейчасъ же принялъ ермакова посланца, велѣлъ боярамъ прочесть письмо атамана, любовался привезенными въ даръ соболями, черными лисицами и бобрами, самоцвѣтными камнями и золотыми слитками.

Затѣмъ повелѣно было служить молебень, звонить въ колокола, подать нищимъ богатую милостыню, чтобы всѣ радовались вмѣстѣ съ царемъ.

Обрадованный царь отпустилъ сподвижникамъ Ермака всѣ ихъ прежнія вины и рѣшилъ забыть гдѣ «шалости», которыми они пробавлялись на Волгѣ. Что же касается самого атамана, то его государь назвалъ княземъ Сибирскимъ и щедро одарилъ.

Ермакъ Тимофеевичъ получилъ шубу съ царскаго плеча, серебряный ковшъ и два дорогіе панцыря.

Но недолго пришлось Ермаку пожинать лавры и наслаждаться результатами своихъ побѣдъ.

Чтобы стать твердой ногой въ новой суровой странѣ, приходилось не покладать рукъ, не опускать мечей и вести упорную борьбу съ прежнимъ властителемъ Кучумомъ.

Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ

разгрома Кучума, какъ онъ снова далъ о себѣ знать, и Ермакъ выступилъ въ походъ, желая разомъ покончить съ нимъ всѣ счеты.

Ермакъ зналъ, что силы врага не велики, и поэтому пустился его преслѣдовать на одной лодкѣ, захвативъ съ собой самыхъ отважныхъ молодцовъ и необходимые припасы.

Долго шли дружинники по Иртышу и добрались до рѣки Вагая, никого не встрѣтивъ. Идти противъ теченія на веслахъ было нелегко, а тутъ еще погода испортилась: сорвался вѣтеръ, пошелъ сильный дождь.

Изнуренные гребцы просили отдыха. Тогда Ермакъ велѣлъ спуститься внизъ, чтобы подочевать на одномъ изъ прибрежныхъ острововъ.

Выбравъ островъ поудобнѣй, пристали къ берегу, разбили шатры и послѣ нѣсколькихъ трудовыхъ дней заснули какъ убитые. Дежурная стража тоже вскорѣ уснула подъ шумъ холодныхъ волнъ. Дождь лилъ какъ изъ ведра, и кругомъ было темно какъ въ могилѣ. Засыпая, никто не думалъ объ опасности, а между тѣмъ врагъ былъ близко.

Вскорѣ послѣ полуночи къ острову подплылъ татаринъ, осторожно обошелъ спящую стражу и поползъ къ палаткамъ.

Убѣдившись, что всѣ безъ исключенія спятъ богатырскимъ сномъ, онъ снова бросился въ волны рѣки.

Не прошло и получаса, какъ островъ наполнился татарами.

По таянному сигналу они бросились на спящихъ побѣдителей и стали ихъ избивать. Поздно было думать о защитѣ. Это была не схватка, а бойня. Кто не падалъ подъ ударами кривыхъ татарскихъ сабель и мечей, тотъ находилъ кончину въ волнахъ разбушевавшейся рѣки.

Спасать товарищей было поздно, — большинство изъ нихъ уже сложило свои буйныя головушки. Но Ермакъ помнилъ, что его ждетъ дѣло, большое дѣло — устройство и закрѣпленіе новой земли.

Осѣнивъ-себя крестомъ, онъ вмѣстѣ съ немногими уцѣлѣвшими удальцами бросился въ волны рѣки.

— Прощайте, братцы! — услышали товарищи знакомый голосъ.

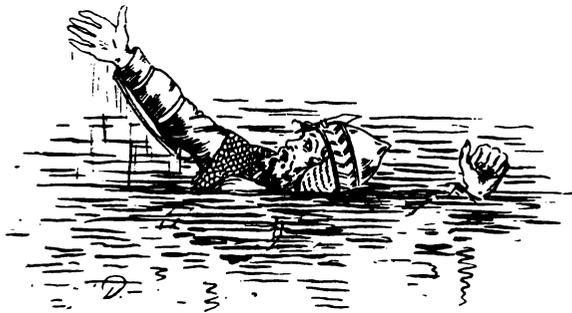
Не достигъ богатырь берега: тяжелый панцырь притянулъ его ко дну, и онъ погибъ въ волнахъ Иртыша. Это случилось 5 августа 1584 года.

По имени главнаго города Югорскаго царства Сибири и вся страна названа Сибирью.

Въ городѣ Тобольскѣ стоитъ памятникъ съ краткой, но краснорѣчивой надписью:

«Покорителю Сибири — Ермаку». Огромный богатѣйшій край, куда русскіе люди пробирались оцупью, въ потемкахъ, опираясь только на свою желѣзную энергію и нечеловѣческую выносливость, — въ наши дни уже связанъ рельсовымъ путемъ со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ.

К О Н Е Ц Ъ.

— Прощайте, братцы!

СИБИРСКАЯ СТЕПЬ.

Неба высокаго синяя риза,
 Степи сибирской широкая даль;
 Гдѣ-то чуть слышная пѣсня киргиза,
 Въ сердцѣ будящая грусть и печаль.

—

Темными пятнами рѣдко угодья,
 Лентой безъ края высокій камышъ,
 Вешнія воды и льды половодья,
 Бархатомъ синимъ широкій Иртышъ.

—

Ликомъ на море степь эта схожая,
 Полная звѣремъ и полная птицъ...
 Степь ничія здѣсь, степь эта Божія,
 Степь безконечная, степь безъ границъ.

—

Виталій Вячеславскій.

СТРАННАЯ ДРУЖБА

Разсказъ Роберта Дайни.

«Муріель», къ которой онъ обращался, нигдѣ не было видно.

— Эй, братцы, — крикнулъ онъ весело. — вотъ тутъ письмо для лейтенанта Манинга.

И юноша, прыгнувъ на землю, разсѣдлалъ лошадь и привязалъ ее къ дереву.

— Ребята! — черезъ двѣ минуты говорилъ лейтенантъ Манингъ. — Это — мистеръ Джемсъ Хайесъ, новый членъ нашего отряда. Капитанъ Клингъ прислалъ его намъ изъ Эль-Пазо. Товарищи дадутъ вамъ поужинать, Хайесъ, — сказалъ онъ новоприбывшему, — спугайте свою лошадь и пустите ее на траву.

Лѣсники дружелюбно приняли новаго товарища, но внимательно приглядывались къ нему и не смѣли составлять свое мнѣніе. Въ выборѣ товарища въ этихъ опасныхъ краяхъ люди въ десять разъ осторожнѣе, чѣмъ въ выборѣ невѣсты. Отъ ихъ честности, сообразительности и хладнокровія часто зависитъ жизнь всѣхъ остальныхъ.

Поужинавъ, Хайесъ подѣлъ къ огоньку. Лѣсникамъ понравилось его худое, загорѣлое, добродушное лицо, которое то и дѣло освѣщалось широкой улыбкой.

— Товарищи, — сказалъ новый лѣсникъ, — мнѣ хочется познакомить васъ съ своей подружкой. Я не думаю, чтобы кто-нибудь изъ васъ назвалъ ее красивой, но я надѣюсь, что вы найдете въ ней хорошія черты. Иди сюда, Муріель!

И съ этими словами онъ разстегнулъ свою голубую фланелевую рубашку, и изъ нея выползла рогатая лягушка. Широкая красная лента была повязана у нея на шеѣ. Она усѣлась на колѣни къ своему хозяину и замерла.

— Вотъ эта самая Муріель, — сказалъ Хайесъ, торжественнымъ жестомъ руки указывая на лягушку, — имѣетъ нѣсколько хорошихъ качествъ. Она никогда не сплетничаетъ, всегда сидитъ дома и довольна однимъ платьемъ всю недѣлю, не исключая воскресенья.

Лѣсники съ удивленіемъ смотрѣли на

Ужинъ былъ конченъ, и вокругъ костра воцарилась тишина. Поверхность небольшого пруда блестѣла въ темнотѣ, какъ кусокъ неба, упавшій на землю. Были койоты. Звенѣли цѣпи стреноженныхъ лошадей, ципавшихъ свѣжую траву.

Полурота солдатъ пограничнаго батальона техасскихъ сторожей сидѣла вокругъ огня. Хорошо знакомый звукъ — скрипъ сапогъ о деревянные стремена — раздавался въ кустахъ. Лѣсники прислушались. Въ кустахъ послышался ласковый, мягкій голосъ, словно утѣшавшій кого-то.

— Очнись, Муріель, старушка моя. мы уже доѣхали. Очень долгъ былъ путь для тебя, допотопное созданище? Ну, очнись же и посмотри на меня. Не прижимайся такъ къ моей шеѣ!

Черезъ минуту къ огню подошла, фыркая, усталая лошадь. Юноша, лѣтъ двадцати, покачивался на сѣдлѣ. Но

Муріель. Видѣть рогатыхъ лягушекъ имъ всѣмъ приходилось не разъ, но чтобы онѣ могли быть ручными, этого никому въ голову не приходило.

— Что же она знаетъ тебя, по крайней мѣрѣ? — спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Попробуй и увидишь, — сказалъ Хайесъ.

Лѣсникъ посадилъ ее на землю. Неловко, но проворно Муріель заковыляла на своихъ четырехъ уродливыхъ лапкахъ и добралась до ноги Хайеса.

— Отлично! Она тебя знаетъ, никогда не думалъ, чтобы у этакой твари было столько ума.

Изъ чащи выскочили всадники Себастьяно Сальдара.

Рогатая лягушка.— непривлекательное существо. Она имѣетъ уродливую форму тѣла своихъ допотопныхъ предковъ, не имѣя ихъ гигантскаго роста, но правомъ она кротка, какъ голубь.

Лѣсникъ взялъ Муріель съ колѣнъ Хайеса и вернулся на свое мѣсто на кучѣ одѣяль. Плѣнница изо всѣхъ силъ билась и барахталась въ его рукѣ, стараясь освободиться. Подержавъ ее минуты двѣ,

Джимъ Хайесъ вскорѣ сдѣлался любимцемъ всего лагеря. У него былъ безконечный запасъ юмора и всегда ровный, мягкій нравъ, неоцѣнимый въ лагерной жизни. Онъ никогда не разставался съ своей рогатой лягушкой. Она сидѣла у него за рубашкой во время обѣдовъ и на колѣняхъ у костра; ночью она спала у него подъ одѣяломъ.

Какія чувства питала рогатая лягушка

къ Джимми, сказать трудно, потому что она никому объ этомъ не говорила. Гораздо легче отгадать чувства Джимми. Онъ любилъ ее, потому что это было забавно имѣть ручную лягушку, которою можно было потѣшить и развеселить компанію, а это было однимъ изъ преобладающихъ занятій Джимми. Со свойственнымъ ему добродушіемъ онъ заботился о ней, ловилъ для нея мухъ, укрывалъ отъ вѣтра. И настало время, когда уродливое созданище воздало за все это сторожею.

Не сразу и не вполне сошелся Джимми съ своими товарищами. Они полюбили его за простоту и забавность, но никто еще не узналъ его въ дѣлѣ, а до этого никто не могъ сказать, чего онъ стоитъ, какъ пограничный солдатъ и товарищъ.

Лѣсникамъ приходилось вести постоянную войну съ конокрадами, ловить бѣжавшихъ изъ тюрьмы преступниковъ, отгонять отъ границы разбойниковъ и контрабандистовъ и т. д. Джимми былъ до своего поступления въ отрядъ сторожей ковбоемъ и не обладалъ опытомъ въ пограничной войнѣ. Поэтому сторожа и не знали, какимъ Джимми окажется въ дѣлѣ; честь и слава отряда сторожей состоятъ въ храбрости каждаго изъ его членовъ.

Цѣлымъ два мѣсяца на границѣ было тихо, даже скучно. Потомъ вдругъ пришло оживленіе. Себастьяно Сальдаръ, знаменитый мексиканскій разбойникъ и конокрадъ, перешелъ со своей шайкой Рио-Гранде и началъ опустошать Техасъ. Сторожа вели строгій дозоръ, но всадники Сальдара были неуловимы.

Однажды вечеромъ сторожа остановились въ лѣсу послѣ долгой скачки, чтобы поужинать. Лошадей они не разсѣдлали и сѣли у костра варить ветчину и кофе.

И вдругъ изъ чащи на нихъ выскочили всадники Себастьяно Сальдара съ дикими криками и ружьями наперевѣсь. Сторожа вскочили, схватились за ружья, но бандиты исчезли такъ же скоро, какъ появились — любимый, чисто мексиканскій видъ озорства.

Сторожа вскочили на лошадей, и началась погоня. Послѣ двухъ миль скачки измученныя лошади отказались слушаться хлыста, и лейтенантъ Маннингъ отдалъ приказъ возвращаться.

Когда вернулись къ брошенному костру, то оказалось, что Джиммъ Хайесъ

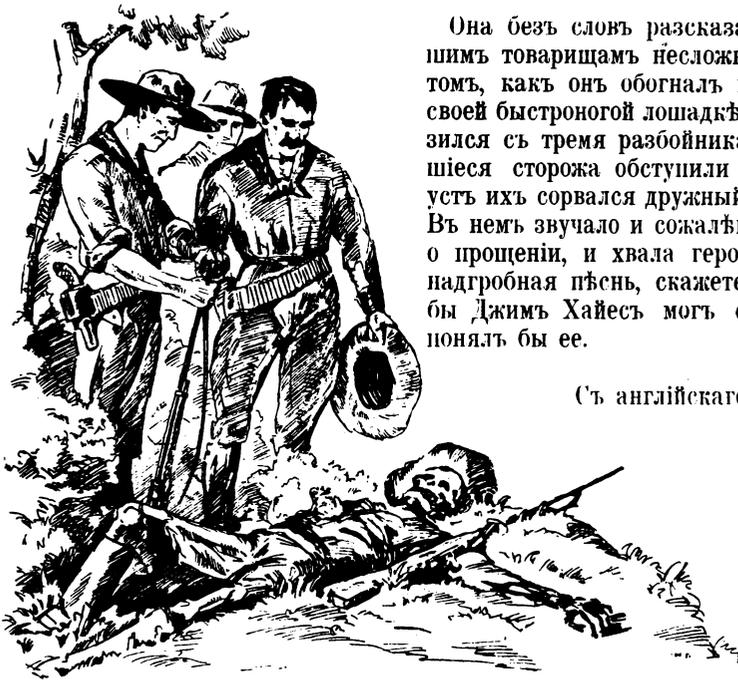
исчезъ. Кто-то видѣлъ его, какъ онъ бѣжалъ за своей лошадейю, но послѣ этого его не замѣтилъ никто. Его ждали до утра, но онъ не вернулся. Обыскали всю мѣстность до того пункта, гдѣ былъ отданъ приказъ прекратить погоню, но ни раненаго, ни убитаго Джимми не нашли. И тогда лѣсники рѣшили, что ихъ молодой товарищъ не поддержалъ чести сторожевого отряда, что онъ оказался трусомъ и бѣжалъ въ первый же разъ, когда судьба хотѣла испытать его храбрость. Они избѣгали даже говорить о немъ.

Прошелъ годъ. И вотъ лейтенантъ Маннингъ со своимъ отрядомъ очутился опять въ той мѣстности, гдѣ на нихъ ночью напали мексиканцы Сальдара. Обѣзжая холмистую равнину недалеко отъ пограничной рѣки, они наткнулись на картину, трагедія которой поразила всѣхъ до глубины души. У подножья небольшого холма лежали три человѣческихъ скелета. По остаткамъ одежды можно было заключить, что это были мексиканцы. Одинъ изъ нихъ, самый большой, былъ когда-то Себастьяномъ Сальдаромъ. Его широкая, дорогая шляпа, украшенная золотомъ, — шляпа, извѣстная далеко за предѣлами Мексики, — лежала рядомъ съ нимъ, пронзенная тремя пулями. Возлѣ скелетовъ валялись три ружья, всѣ направленные въ одну сторону.

Сторожа проѣхали въ этомъ направленіи аршинъ пятьдесятъ и увидѣли въ небольшомъ углубленіи почвы, съ ружьемъ, обращеннымъ въ сторону трехъ скелетовъ, еще одинъ. Очевидно, здѣсь произошелъ горячій бой на жизнь и смерть. Кто былъ этотъ одинокій герой, узнать было невозможно — клочки его одежды были безформенны и безцвѣтны и напоминали скорѣе всего одежду ковбоевъ.

— Вѣроятно, какой-нибудь фермеръ, на котораго они напали трое на одного! — сказалъ Маннингъ. — Молодчина парень! Такъ вотъ отчего мы и не слышимъ давно о донѣ Себастьяно!

И съ этими словами онъ нагнулся надъ скелетомъ, чтобы поднять съ земли и еще разъ осмотрѣть клочокъ его одежды. Въ это время изъ-подъ высушенныхъ соллицемъ и вѣтромъ остатковъ этой одежды выползла рогатая лягушка съ полинявшей лентой на шеѣ и сѣла на кости своего хозяина.

Она безъ словъ разсказала его бывшимъ товарищамъ несложную исторію о томъ, какъ онъ обогналъ ихъ всѣхъ на своей быстрой лошади, и одинъ сразился съ тремя разбойниками. Собранныя сторожа обступили скелетъ и съ устъ ихъ сорвался дружный дикій крикъ. Въ немъ звучало и сожалѣніе, и просьба о прощеніи, и хвала герою. (Странная надгробная пѣснь, скажете вы, но если бы Джимъ Хайесъ могъ слышать, онъ понялъ бы ее.

Съ англійскаго Л. П—съ.

„СЛѢДОПЫТЪ“.

Посв. юнымъ купероуцамъ.

Въ лѣсахъ Гудзона кричитъ пантера,
Таимъ-же крикомъ кричитъ гуронъ. —
Въ лѣсахъ Гудзона на пионера
Сползаютъ страхи со всѣхъ сторонъ!

Тамъ вѣчно мраки, тамъ вѣчно тѣни,
И днемъ не видно тамъ ничего...
Въ крови добычи скользятъ ко-
лѣни,
И скальпъ дымится въ рукѣ минго.

А ночью съ неба глядятся звѣзды,
Костеръ разноситъ по лѣсу гарь;

И совы видятъ, покинувъ гнѣзда,
Какъ трубку мира сосетъ дикарь.

Поодаль чинно сидятъ другіе,
Къ стволу привязанъ ихъ бѣлый врагъ:
Огонь окрасилъ тѣла нагія,
Лицо и руки въ кровавый лакъ.

Не бойся, плѣнникъ! Еще немного, —
И тьмой Гудзона ты будешь скрытъ.
Къ тебѣ на помощь спѣшитъ под-
мога:
Въ кустахъ крадется самъ Слѣдо-
пытъ!

Влад. Гуцикъ.

— Сказать: А... — морякъ смѣшался. — Да скажи хоть, что Бенъ Гуннъ кланялся... Пусть будетъ Бенъ Гуннъ...

Викъ покачалъ головой. Шутка, можетъ быть, и вышла бы забавной, но онъ не могъ предвидѣть ея результатовъ. Если бы дѣло касалось Марты, — тогда куда ни шло. Но тревожить поклонами отъ какого-то Бена Гунна, снятаго съ Устричной мели, тетку Клару онъ не могъ рѣшиться.

— Нѣтъ ужъ, — сказалъ мальчикъ, — лучше вы сами какъ-нибудь сдѣлайте ей визитъ, а я ужъ помолчу.

Морякъ кивкомъ головы изъявилъ согласіе и, махнувъ на прощаніе рукой, пошелъ по тропинкѣ между камней.

— Мы еще свидимся, ребята, — крикнулъ онъ, — и вы узнаете, что Бенъ Гуннъ всегда умѣетъ оцѣнить дружбу и доброжелательство...

Голова его исчезла за поворотомъ. Мальчики, пораженные приключеніемъ, переглянулись.

— Ну, — сказалъ Тилли, — что вы объ этомъ думаете?

— Онъ контрабандистъ, — убѣжденно сказалъ Микко.

— Но онъ говорилъ...

— Онъ говорилъ, — язвительно перебилъ Микко. — Станетъ тебѣ контрабандистъ говорить о себѣ правду. Мы-то, понятно, не выдадимъ его, но у нихъ не принято открываться всякому встрѣчному.

Это мнѣніе нашло сочувствіе, и друзья согласились съ Микко относительно профессіи Бена Гунна. Только Викъ замѣтилъ озабоченно:

— Хотѣлъ бы я знать, откуда онъ знаетъ тетку Клару.

Тилли, отталкивая лодку от скалы, фыркнулъ :

— Ужъ не занимается ли твоя тетка контрабандой?

Эта мысль была такой нелѣпой, что всѣ трое разразились громкимъ хохотомъ: дѣйствительно, представить себѣ тетку Клару, занятой провозомъ контрабанды въ темную осеннюю ночь, было верхомъ дикости. Викъ проговорилъ, даваясь смѣхомъ :

— Хотѣлъ бы я ее видѣть въ этой роли! Ха... ха... нѣтъ, Тилли, тутъ что-то другое... Я когда-нибудь да разузнаю это, ладно.

— Мы поможемъ тебѣ. Правда, Микко?... Эй, Викъ, закрѣпи фокъ и кливеръ... Такъ... Теперь гротъ на штирбортъ: намъ придется обогнуть Эрбосъ съ юга — противъ теченія не выплыть съ этимъ вѣтромъ.

— За крабами, значить, не поѣдемъ? — спросилъ Микко.

— Уѣхали крабы! Завтра господинъ Аннусъ намъ пропишетъ крабовъ, — усмѣхнулся Тилли.

— Лишь бы только мальчишки не сказали отцу, что я удралъ изъ школы, — озабоченно добавилъ онъ. — Ну, да ладно... Поѣхали... Отдать гитовы! Держи гротъ! Обрасопь кливеръ! Эй, вы тамъ на бакъ! Заснули, что ли, лягушечье племя!

«Капитанъ Киддъ» отвалилъ отъ мыса и медленно поплылъ къ югу, лѣнливо забирая вѣтеръ, почти не ощущаемый за скалами.

— Мы еще свидимся, ребята, — крикнул онь.

· Г Л А В А IV.

«Мышиная гора». Страшная находка.

I.

Воскресенія въ Эресбургѣ отличались отъ будней еще большей монотонностью жизненнаго темпа. Утромъ большой колоколъ церкви размѣреннымъ торжественнымъ ударомъ сзывалъ прихожанъ къ обѣднѣ, и тогда площадь городка оживлялась пестрой толпой, неторопливо стекавшейся къ церкви. Тугіе кринолины и бѣлые крахмаленные чепчики дамъ важно плыли среди черныхъ и сѣрыхъ сюртуковъ мужчинъ. Объемистые ридикюли и молитвенники въ футлярчикахъ служили показателемъ настроенія; торжественныя благочестивыя мины гражданъ могли нагнать скуку на любого весельчака, если бы не разговоры въ отдѣльныхъ кучкахъ, толпившихся у ступеней паперти. Тутъ собирался цвѣтъ эресбургской молодежи, и разговоры въ напوماженныхъ расфранченныхъ группахъ были далеко не благочестивыми. Но все же это были очень порядочные и воспитанные люди. Они, хотя и говорили иногда объ очень веселыхъ вещахъ, но не заливались хохотомъ при этомъ, а скромно улыбались, стараясь не спугнуть съ лица заученнаго елейнаго выраженія.

Юное населеніе Эресбурга признавало воскресенія какъ законный отдыхъ отъ школьныхъ трудовъ, но не видѣло въ нихъ особенной прелести. Оно изнывало въ эти дни отъ скуки и отъ избытка вниманія со стороны взрослыхъ. Въ воскресенія, вѣдь, кожаные штаны и парусиновые куртки были

подъ запретомъ и приходилось наряжаться въ суконное праздничное платье, что обременяло уже само по себѣ, такъ какъ лишало возможности пускаться въ какія бы то ни было приключенія изъ опасенія повредить костюмъ. И по воскресеніямъ мальчишки слонялись по городу праздными тѣнями, не зная какъ убить время и скоротать день. Они собирались на площади возлѣ знаменитаго колодца и пытались заводить игры, но изъ этого ничего не выходило: въ распоряженіи мальчиговъ на Эрбосѣ не имѣлось ни одной игры, въ которую можно было играть безъ риска для платья. И несчастные мученики благочестія томились, вздыхали, съ завистью глядя на дѣвочекъ, водившихъ веселые хороводы на той же площадкѣ.

Въ воскресенье Викъ находился далеко не въ радушномъ настроеніи. Скучное утро въ церкви, заполненное гнѣвомъ псалмовъ и длинной неуклюжей проповѣдью Магнуса, являлось плохимъ развлеченіемъ для скучающаго ума мальчика. Его угѣшало только то, что и пріатели его находились точь-въ-точь въ такомъ же положеніи. Сидя на своемъ мѣстѣ въ церкви, стиснутый тетками съ двухъ сторонъ, онъ видѣлъ скучающія лица Микко и Тилли въ ближайшемъ сосѣдствѣ отъ себя. Отдѣленные другъ отъ друга перегородками своихъ фамильныхъ мѣсть и связанные по рукамъ и по ногамъ присутствіемъ родителей и опекуновъ, они изнывали, какъ подъ пыткой, слушая длинную рѣчь пастора. Преподобный Магнусъ любилъ замысловатые тексты для своихъ проповѣдей, и, когда начиналъ разъясненія, трудно было сказать напередъ, сколько времени онъ будетъ копаться въ лабиринтѣ запутанныхъ образовъ и мыслей, пока не выйдетъ на прямую дорогу нравоученія.

На хорахъ толпились дѣвушки и молодые лю-

ди — добровольные пѣвчіе, — и Вика завидовалъ имъ: они могли шептаться другъ съ другомъ, и мальчикъ не разъ замѣчалъ, какъ хихикали дѣвушки, должно быть, выслушивая любезности своихъ напомаженныхъ кавалеровъ, гладко примазанные волосы которыхъ лоснились, какъ сдобная масляная лепешка.

Въ это воскресеніе мысли Вика были заняты не хорами и не молодыми людьми на нихъ. Передъ службой Тилли успѣлъ ему шепнуть, что у него имѣется одна штука, которая сулитъ имъ много хорошаго въ будущемъ. Онъ показалъ даже кончикъ какой-то книги изъ кармана, старой книги — не то молитвенника, не то записной книжки въ полинявшемъ кожаномъ переплетѣ. Разговаривать долго не пришлось, такъ какъ Тилли уволокли въ одну сторону, а Вика въ другую (сестры Эльсто и семья Карстеновъ были не въ ладахъ), и теперь Вика раздумывалъ, что бы могло заключаться въ таинственной книгѣ.

Намъ трудно угадать за полетомъ фантазіи Вика, рисовавшей ему картины, одну заманчивѣе другой. Книга ему казалась и старинной рукописью — ключомъ къ отысканію какого-нибудь клада, — и страшной исповѣдью какого-нибудь чернокнижника, объясняющаго всѣ свои таинственныя познанія. Мальчикъ то превращался въ кладоискателя, то становился колдуномъ и чернокнижникомъ, мысленно наряжая себя въ длинное платье и остроконечный колпакъ, испещренный магическими фигурами.

Пасторъ говорилъ проповѣдь, смыслъ которой пересталъ существовать для Вика. Наступившая вдругъ тишина прервала однако полетъ фантазіи мальчика. Онъ поглядѣлъ на пастора, прервавшаго рѣчь, и замѣтилъ, что Магнусъ и всѣ присутству-

ющіе обратили взоры къ проходу между скамейками.

Викъ оглянулся и вздрогнулъ. По проходу шелъ не кто иной, какъ Бенъ Гуннъ. Внеся замѣшательство въ ходъ службы, морякъ, видимо, почувствовалъ себя неловко. Покашливая въ ладонь, чтобы скрыть смущеніе, онъ разыскалъ наконецъ свободное мѣсто и усѣлся, преслѣдуемый суровымъ взглядомъ проповѣдника и любопытными взорами прихожанъ.

Тилли, сидѣвшій впереди, многозначительно подмигнулъ Вику, кивая въ сторону тетки Клары. Старая особа поблѣднѣла вдругъ, точно почувствовала себя дурно, и поднесла къ лицу носовой платокъ. Она постаралась все-таки сохранить самообладаніе и углубилась въ молитвенникъ, точно отыскивая тексты, но пальцы ея сильно дрожали, и вся она казалась потрясенной до глубины души.

Викъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на тетку. Кто былъ этотъ таинственный Бенъ Гуннъ, одинъ видъ котораго могъ такъ взволновать и разстроить суровую Клару? Онъ оглянулся на моряка. Бенъ Гуннъ скромно сидѣлъ, опустивъ взоръ и перебирая бороду загорѣлыми пальцами. На его сѣдѣющей головѣ скрещивались любопытные взоры молящихся, но онъ, казалось, не замѣчалъ ихъ. На одну секунду Бенъ поднялъ глаза и, встрѣтившись взглядомъ съ Викомъ, узналъ его. Онъ слабо улыбнулся мальчику, подмигнувъ лѣвымъ глазомъ. Было ли это привѣтствіемъ или предупрежденіемъ, что нужно сохранять тайну относительно ихъ недавней встрѣчи на отмели, — Викъ не понялъ, но про себя рѣшилъ, что Гуннъ неспроста зашелъ въ церковь.

Никогда еще Викъ съ такимъ нетерпѣніемъ не ждалъ конца службы. Когда, наконецъ, тетки по-

днялись со скамьи, и Марта взяла племянника за руку, Викъ постарался увильнуть отъ нея. Ему необходимо было прослѣдить за незнакомцемъ и не хотѣлось упускать его изъ виду. Бенъ Гуннъ никуда не слѣдшилъ. Онъ стоялъ у входа, держа шалку въ рукѣ и присматривался къ выходящимъ. Сердце Вика забилося, когда они поравнялись съ морякомъ. Онъ ожидалъ, что Гуннъ заговоритъ съ тетками, но ничего подобнаго не случилось. Марта посмотрѣла на моряка такъ внимательно, какъ смотрятъ вообще на незнакомую личность, внезапно появившуюся на знакомомъ до мелочей фонѣ жизни. Клара даже не посмотрѣла на Бена. Только лицо ея стало совершенно суровымъ, когда, проходя мимо, она коснулась кринолиномъ моряка; Викъ замѣтилъ легкое дрожаніе губъ на лицѣ тетки. Вотъ и все. На него Бенъ не обратилъ никакого вниманія: точно они никогда не видались другъ съ другомъ.

Подходя къ дому, Викъ снова увидѣлъ Бена. Морякъ шелъ по улицѣ въ обществѣ лоцмана Кедрика и, видимо, направлялся въ трактиръ Силька.

II.

Послѣ обѣда Викъ встрѣтился съ друзьями возлѣ обелиска на молу. Ихъ занимало появленіе Бена Гунна въ церкви и его дружба съ лоцманомъ Кедрикомъ. Но рѣшивъ, что Бенъ просто продаетъ лоцману партію табаку или шелка, пріятели успокоились немного и занялись собственными дѣлами.

Книжка Тилли, дѣйствительно, оказалась записной книжкой, переплетенной въ кожу, источенную плѣсенью и мышами. На пожелтѣвшихъ, попорченныхъ сыростью листкахъ виднѣлись слѣды

свинцового карандаша — блѣдные знаки, вдавленные въ толстую шершавую бумагу.

Записи въ книжкѣ носили характеръ счетовъ. Мальчики долгое время разбирали ихъ, при чемъ почти на каждомъ шагу натыкались на капусту, помѣченную тремя крестами. Иногда, слѣдомъ за капустой, шли цифры, иногда ихъ не было, и записи носили приблизительно слѣдующій характеръ:

Б. С. Капуста 398...+++
В. М. 420 +
Капуста 30...

А одна страница, которую Тилли развернулъ съ торжествующимъ видомъ, представляла собой крайне странную запись:

Мышиная гора.

$10^1 9^1 2^1 11^1 6^1$ сумма равная
 $10^1 1. 3^1 12^1 9^1 10^1 3^1 13^2$.

— Ну, какъ вамъ это нравится? — спросилъ Тилли, когда пріятели вдоволь налюбовались странной записью.

Викъ и Микко покачали головой.

— Тутъ какая-то тайна, — замѣтилъ Микко. — Почему всюду упоминается капуста?

— Не знаю. Только думаю, что это писать не огородникъ.

— Ну, понятно! — убѣжденно воскликнулъ Викъ. — Это непохоже на огородника. Гдѣ ты взялъ книгу?

— У насъ на чердакѣ. Тамъ послѣ смерти дѣда еще много всякаго хлама. Я нашелъ даже пистолеть...

— Это, можетъ, писалъ твой дѣдъ?

— Не думаю... Это скорѣе писано какимъ-нибудь пиратомъ.

Викъ кивнулъ головой: эта мысль ему нравилась.

— Можетъ быть. Мнѣ капитанъ Диркъ говорилъ, что пираты записываютъ такимъ манеромъ мѣсто, гдѣ зарыты деньги. А что такое Мышиная гора?

— Ого! — воскликнулъ Тилли. — Онъ еще не знаетъ Мышиную гору! Вотъ чудесно, не правдали, Микко?

Микко поддержалъ Вика.

— Онъ недавно у насъ, — потому и не знаетъ. Мышиная гора, Викъ, самое страшное мѣсто на Эрбосѣ. Она въ дремучемъ лѣсу, и тамъ стоитъ вѣдьминъ домъ.

— Какой домъ, Микко?

— Вѣдьминъ. Въ немъ жила самая настоящая вѣдьма, пока ее не убили. Она жила 200 лѣтъ и принесла много зла. Зато теперь Мышиная гора самое страшное мѣсто на островѣ. Не улыбайся, Викъ. Ты хоть и видалъ австралійскихъ колдуновъ, а также индійскихъ, но, могу ручаться, что ночью убѣжишь съ Мышиной горы. Не правдали Тилли, онъ убѣжить?

— Попятно убѣжить. Я знаю моряковъ, которые не боялись проходить въ «Воротахъ Дога» при нордъ-вестѣ, Викъ, а это требуетъ много храбрости и хладнокровія. И все-таки они не рисковали ночью забираться на Мышиную гору.

Викъ задумался.

— Теперь тамъ вѣдьмы нѣтъ? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, но есть привидѣніе, а это похуже вѣдьмы.

— Да, похуже, — согласился Викъ. — Тогда,

конечно, книжку писалъ пиратъ: они любятъ такія страшныя мѣста, и я увѣренъ, что тамъ спрятаны деньги.

— Объ этомъ я и говорю, — важно подтвердилъ Тилли. — Намъ остается только найти денежки и подѣлать ихъ.

— Конечно! — весело отозвался Микко. — Намъ само счастье дается въ руки. Нужно только прочитать эту надпись, и все. А теперь я знаю, что такое «капуста».

— Что?

— Это головы, человѣческія головы, вотъ что! — почти на ухо друзьямъ прошепталъ таинственно Микко. — Пираты всегда ихъ зовутъ капустой.

Бесѣду друзей прервалъ приходъ Бена Гунна и Кедрика. Красный платокъ, повязанный вокругъ шеи моряка, разѣвался точно флагъ, шапка была сдвинута набекрень, а лицо блестѣло и лоснилось, выражая полное удовольствіе по поводу развлеченій, найденныхъ у Силька. Лоцманъ Кедрикъ былъ тоже навеселѣ: его длинная, сухая фигура нѣсколько покачивалась, точно Кедрикъ собирался пуститься въ плясъ, а правая рука лежала на плечѣ Гунна.

Три шкота нужно моряку,

Три шкота и... стаканъ...

Стаканъ вина или коньяку...

подгвѣвалъ вполголоса Кедрикъ, лавируя за Гунномъ, взбиравшимся на моль.

Они прошли мимо обелиска, и Бенъ Гуннъ весело кивнулъ мальчикамъ.

— Смотри, старина, — сказалъ онъ Кедрику, — вотъ мой спасители, всѣ трое налицо. Стой! Бенъ Гуннъ долженъ отсалютовать друзьямъ... да...

Что, парни, какъ дѣла? Видѣлъ я васъ сегодня въ церкви — скромные вы были ребята и нарядные страсть... Э?

Подмигнувъ лукаво, морякъ сунуль руку въ карманъ и извлекъ полную горсть румяныхъ пряниковъ, которыми у Силька закусывали водку.

— Натѣ, вамъ, парни, гризите!

Шапка Тилли оказалась подходящимъ помѣщеніемъ для пряниковъ. Морякъ высыпалъ въ нее все, что было у него въ карманѣ, и пошелъ дальше. Длинновязый Кедрикъ, шатаясь взадъ и впередъ, постоялъ передъ мальчиками, блаженно улыбаясь, точно собираясь сказать что-то пріятное, но не сказалъ, и пошелъ за Беномъ, напѣвая:

Стаканъ . . вина . . иль . . . коньяку . . .

Въ той сторонѣ мола, куда направились моряки, стояла лодка Бена Гунна, арестованная таможенными. Она была замкнута на цѣпь, и на замкѣ видѣлась сургучная печать. Бенъ съ Кедрикомъ остановились возлѣ лодки.

— Вотъ она, — сказалъ Кедрикъ, оглядываясь. — Если ты находишь, что это... — увидѣвъ мальчиковъ позади, онъ понизилъ голосъ, и друзья дальше ничего не слышали. Они видѣли только, что Бенъ утвердительно закивалъ головой и улыбнулся.

— Эй, ребята! — крикнулъ онъ мальчикамъ, — Вашъ курсъ долженъ быть инымъ, чѣмъ нашъ, и дружескія суда никогда не выслѣживаютъ своихъ.

Это былъ ясный намекъ, и сконфуженные мальчики ретировались. Они отошли и въ сторонкѣ продолжали свои наблюденія за таинственнымъ морякомъ и Кедрикомъ до тѣхъ поръ, пока тѣ снова не скрылись за дверями трактира Силька.

Бенъ Гуннъ весело кивнулъ мальчикамъ.

III.

Въ Кларѣ Эльсто произошла перемѣна. Викъ замѣтилъ, что его суровая тетка какъ бы боролась съ собой, чтобы казаться попрежнему невозмутимо-спокойной. Ее точно тревожило что-то, какое-то безпокойство поселилось въ ея душѣ. Хотя черты ея лица попрежнему сохраняли каменное спокойствіе, въ глазахъ появилось выраженіе страха, точно старая дѣва томилась ожиданіемъ какой-то неприятности. Большую часть дня она проводила въ своей комнатѣ наверху, и внизу въ столовой былъ слышенъ скрипъ половищъ: Клара безъ усталости ходила взадъ и впередъ.

Комната Вика отдѣлялась отъ комнаты тетки Клары коридоромъ и двумя нежилимыми комнатами, служившими кладовыми. Въ нихъ стояли шкафы съ гардеробомъ, сундуки съ зимними платьями, отъ которыхъ рѣзко пахло травой «пачули», и былъ сложенъ всякій ненужный хламъ. Чтобы попасть къ себѣ, Виду обязательно нужно было проходить мимо комнаты тетки. Дверь этой комнаты была всегда закрыта, и Викъ ни разу не переступалъ ея порога.

Въ понедѣльникъ утромъ, собираясь въ школу, Викъ впервые увидѣлъ эти двери полуоткрытыми. Викъ не придалъ бы этому обстоятельству особаго значенія, — самъ онъ мало заботился о какихъ бы то ни было дверяхъ. — но, заглянувъ изъ любопытства въ комнату тетки, онъ увидѣлъ нѣчто, достойное вниманія. Тетка Клара сидѣла въ глубокомъ креслѣ, повернувшись лицомъ къ двери. Заломленные на колѣняхъ руки и вся ея поза выражали смѣсь отчаянія, гнѣва и страха; Викъ опрометью кинулся отъ двери. Должно быть, тетка услышала его шаги или замѣтила фигуру маль-

чика, промелькнувшую передъ дверьми. Вика нагналъ ея голосъ:

— Викъ, пооди сюда.

Мальчикъ задрожалъ и готовъ былъ убѣжать, но сама тетка появилась въ коридорѣ. Пришлось вернуться.

— Я не знала, что у насъ въ домѣ имѣются люди, способные подглядывать у дверей, — сурово сказала Клара, уничтожая мальчика грознымъ взглядомъ. — Для такихъ людей есть особое названіе, Викъ.

Мальчикъ не чувствовалъ себя виноватымъ, но суровый выпадъ тетки заставилъ его сконфузиться.

— Я совсѣмъ не подглядывалъ, — краснѣя сказалъ онъ. — Двери были открыты, а я проходилъ мимо. Я иду въ школу, тетя Клара...

Этотъ тонкій намекъ на отсутствіе времени пропалъ даромъ. Клара величественнымъ жестомъ приказала племяннику идти за ней и вошла къ себѣ въ комнату. Викъ повиновался съ охотой раба, идущаго къ бичу надсмотрщика.

Когда мальчикъ вошелъ въ комнату, тетка плотно притворила дверь и съ минуту пытливо всматривалась въ лицо племянника.

— Ты меня знаешь, Викъ, должно быть, — сказала она немного торжественно, — и тебѣ извѣстно, что на меня можно положиться, а я вотъ не увѣрена въ тебѣ.

Мальчикъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на тетку. Такое вступленіе было черезчуръ знаменательнымъ.

— Мнѣ нужно передать письмо одному человеку, Викъ, — продолжала Клара съ обычной своей рѣшительностью, — но объ этомъ не дол-

женъ знать ни одинъ человекъ, въ мѣрѣ. Могу я положиться на тебя?

— И тетя Марта? — спросилъ мальчикъ, чувствуя нѣкоторую неловкость отъ предложенія тетки.

Клара сурово кивнула головой.

— Она прежде всего не должна знать. Не прикидывайся дуракомъ, Викъ, потому что это тебѣ не къ лицу, и не говори мнѣ, что у тебя нѣтъ секретовъ отъ моей сестры. Я знаю, что ты ей ничего не говорилъ объ одной поѣздкѣ на Устричную мель....

Викъ вздрогнулъ. О поѣздкѣ и встрѣчѣ съ Беномъ Гунномъ рѣшительно никто не зналъ. Онъ пытливо посмотрѣлъ въ лицо тетки, точно стараясь узнать, насколько она проникла въ его тайны. Клара не сочла нужнымъ подать вида, что замѣтила этотъ взглядъ.

— Да, такъ Мартѣ рѣшительно ничего не нужно знать объ этомъ письмѣ. Ты снесешь его сейчасъ же.

И исключая даже самую возможность возраженій со стороны мальчика, Клара подошла къ столу, на которомъ лежалъ запечатанный конвертъ.

Викъ былъ огорошенъ такой стремительностью, но не возражалъ. Нѣсколько боязливо онъ взялъ пакетъ.

— А... а школа? — пробормоталъ онъ.

— Скажешь господину Аннусу, что я задержала тебя... Или, положимъ, ничего не говори! Аннусу незачѣмъ знать, что у меня были особые порученія тебѣ.

Викъ живо представился пучокъ лозняка на каедрѣ г. Аннуса, и онъ нашель, что тетка Кла-

ТАРОВАТЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ.

Страничка были.

Въ слякотный осенній день на Пречистенскомъ бульварѣ въ Москвѣ сидѣлъ старичокъ въ потрепанной солдатской шинели. Возлѣ стояла клѣтка съ птицами. Старикъ покуривалъ трубочку, хмуро поглядывая на свой щебечущій товаръ.

— Хоть бы одну продать, — съ досадою бормоталъ онъ. — Бѣда! Митюшкѣ бы хотѣ краешку хлѣба сколотить... Эхъ...

Но некому было и продать. Рѣдкіе прохожіе бѣжали подъ дождливой изморосью, и робкій зазывъ старика гложъ безъ отвѣта въ туманной мглѣ.

Вотъ показалась одинокая фигура офицера. Старикъ по солдатской привычкѣ всталъ и вытянулся. Офицеръ скользнулъ разсѣяннымъ взглядомъ по старикъ и клѣткѣ съ воздушными плѣвниками и остановился.

— Здравствуй, старикъ! — поздоровался онъ.

— Здравія желаю, ваше благородіе! — бойко отвѣтилъ старикъ.

— Ты что, солдатомъ былъ?

— Такъ точно, ваше благородіе, двадцать пять лѣтъ отслужилъ; теперь въ чистой отставкѣ состою *).

— Чѣмъ же ты живешь?

— А вотъ птичками торгую.

— И какъ дѣла?

— Ныиче плохо, ваше благородіе, — хлѣба не на что купить.

— Ты одинокій?

— Никакъ нѣтъ: внучекъ со мной живеть.

— Гм... А почему птицы?

Старикъ оживился.

— Чижики по пятаку, шеглы по двугривенному, а овсяночку могу за гривенникъ продать...

Офицеръ быстро пересчиталъ птицъ.

— Значитъ, за всѣхъ тебѣ рубль сорокъ копѣекъ?

Старикъ прикинулъ въ умѣ.

— Такъ точно, ваше благородіе. Ежели

всѣхъ, то можно и за рубль двадцать от-
дать.

— Зачѣмъ уступать? Выпускай, старикъ, птичекъ. Я за всѣхъ плачу.

Старикъ дрожащими руками открылъ клѣтку и выпустилъ птицъ. Офицеръ вынулъ новенькую трехрублевую бумажку.

— Какъ тебя звать? — спросилъ онъ.

— Бирюковъ, — отозвался старикъ. — Ваше благородіе, нѣтъ ли у васъ помельче. — у меня сдачи-то не будетъ.

— Берн, Бирюковъ, потомъ разочтемся — я у тебя птицъ еще покупать буду. Принеси мнѣ завтра въ 10 ч. утра опять все, что изловишь.

— Слушаюсь, ваше благородіе, — еле пролетѣлъ старикъ, дрожа отъ радости. — А гдѣ я найду васъ-то?

— А я съ государемъ живу. Въ свитѣ его. Вотъ тебѣ карточка. Придешь во дворецъ, покажи ее, меня всѣ тамъ знаютъ.

Офицеръ вынулъ визитную карточку на французскомъ языкѣ и подаль старому солдату.

Бирюковъ разсыпался въ благодарностяхъ.

*

На другой день ровно въ 10 ч. утра старикъ былъ у дворца и подаль карточку швейцару.

— Откуда у тебя эта карточка? — изумился швейцаръ.

— Офицеръ мнѣ далъ ее — птицъ у меня покупалъ. Наказывалъ утромъ еще принести; сказывалъ, что его всѣ во дворцѣ знаютъ.

— Еще бы не знать, — усмѣхнулся швейцаръ, — только мудреное больно дѣло выходить. Не перепуталъ ли ты чего, старый? Обожди, я передамъ карточку.

Швейцаръ подаль карточку какому-то лакею въ красномъ, тотъ ушелъ, но минутой спустя вернулся и повелъ старика къ дежурному флигель-адъютанту.

— Здравово, старикъ! — поздоровался тотъ.

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе!

*) Въ тѣ времена срокъ службы солдата въ арміи былъ 25 лѣтъ.

— Иди за мной, государь тебя къ себѣ требуетъ!

Бирюковъ обомлѣлъ.

— Какъ же такъ? — забормоталъ онъ. — Миѣ къ офицеру надо.

— Да это и былъ государь, — весело перебилъ его флигель-адъютантъ. — Ты вчера съ самимъ царемъ Александромъ Николаевичемъ говорилъ!

Какъ во снѣ шель старикъ по паркету блестящихъ роскошныхъ залъ. Въ кабинетѣ государя онъ увидѣлъ вчерашняго офицера.

Бирюковъ дальше ничего не помнилъ. Какъ онъ отвѣчалъ на вопросы, что говорилъ, о чемъ его спрашивалъ государь — все смѣшалось и перепуталось въ памяти.

Черезъ мѣсяцъ Бирюковъ былъ зачисленъ въ роту дворцовыхъ гренадеръ—высшая почеть, которую могъ заслужить тогда солдатъ. Внукъ его—Митя — былъ отданъ въ учебное заведеніе на казенный счетъ.

Впослѣдствіи Митя сталъ талантливымъ музыкантомъ.

Л. К.

ИЗЪ КНИГИ ПРИРОДЫ.

Свѣщеніе моря.

Очеркъ Курта Тезинга.

Мягкій весенній вечеръ у береговъ Алжира. Легкій западный вѣтерокъ раздувалъ паруса и незамѣтно гналъ мою лодку все дальше въ темпосинее безлюдіе Средиземнаго моря. Городъ и берегъ давно потонули въ туманномъ сумракѣ. Вечеръ былъ наполненъ такой мирной тишиной, что я не скоро подумалъ бы о возвращеніи домой, если бы не лодочникъ, напомнившій, что солнце давно зашло. А такъ какъ заштилѣло, и мы хотѣли вернуться въ гавань до наступленія полной темноты, то пришлось свернуть паруса и взяться за весла.

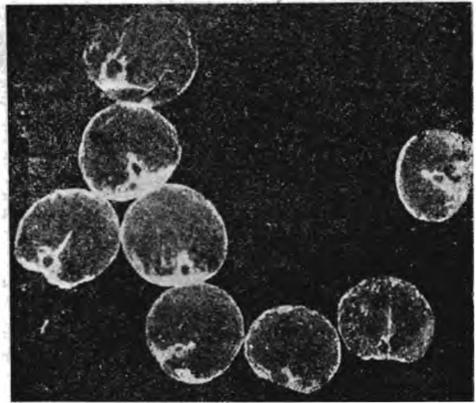
Все ниже и ниже спускались тѣни ночи, и все загадочнѣе становилось море.

То здѣсь, то тамъ вспыхивали голубоватая искорки и гасли. Все чаще и сильнѣе свѣтилась вода. Каждая волна, опрокидываясь, разсыпалась огненнымъ дождемъ. Передъ носомъ лодки сверкали и горѣли серебряныя искорки; каждый ударъ веселъ вызывалъ тысячекратные отблески.

Свѣтилось море!

Миѣ впервые случилось наблюдать это волшебное явленіе.

Чѣмъ ближе подѣвжались мы къ берегу, тѣмъ прекраснѣе становилось зрѣлище. Лодка плыла точно въ потокахъ свѣта. Предметы, которые я опускалъ на нѣсколько мгновеній въ воду, покрыва-

Ночесвѣчки (сильно увел.)

лись точно жидкимъ серебромъ. Когда мы, наконецъ, поздней ночью вышли на моль и оглянулись на море, вся гавань и открытый рейдъ, насколько хваталъ глазъ, горѣли волшебнымъ свѣтомъ, полнымъ таинственнаго мерцанія, точно въ морѣ голубоватаго жидкаго серебра вспыхивали драгоцѣнные алмазы.

Трудно, даже невозможно описать этого зрѣлища.

Но кто же является виновникомъ этихъ волшебныхъ чаръ?

Трудно повѣрить, что это волшебное зрѣлище создаютъ крошечныя существа, имѣющія въ поперечникѣ отъ половины до одного миллиметра. Называются они ночесвѣчками — *Noctiluca miliaris*.

Проба свѣтящейся воды, забранная мною во время поѣздки, обнаружила громадное скопленіе этихъ инфузорій, принадлежащихъ къ разряду жгутиковыхъ, или биченосныхъ.

Внѣшнимъ видомъ почесвѣчка напоминаетъ перенкѣ или яблоко. Тѣло ея состоитъ изъ студенистой массы, среди которой видна при сильномъ увеличеніи густая свѣтъ тонкихъ нитей (саркодовъ). Всеѣ комочекъ облеченъ въ прозрачную, какъ стекло, оболочку, на поверхности которой замѣтна небольшая впадина, а въ ней — отверстіе для приѣма пищи.

Нѣсколько сбоку ото рта помѣщенъ жгутикъ. Этимъ жгутикомъ почесвѣчка отплавляетъ въ ротъ мельчайшихъ инфузорій, служащихъ ей пищей. Противъ жгутика (тоже возлѣ рта) находится короткое щупальце, служащее органомъ осязанія.

Ночесвѣчка не имѣетъ особыхъ органовъ свѣченія. Свѣтятся у нея все нити

саркоды, при чемъ свѣтъ этотъ не постояненъ, а вызывается какимъ-нибудь раздраженіемъ.

О жизни почесвѣчекъ рассказать можно немного.

Онѣ посяетъ въ морѣ по волѣ волнь. Когда грозитъ холодъ, буря или дождь, онѣ уходятъ въ глубину, куда не достигаютъ отголоски непогоды. Въ хорошую погоду поднимаются на поверхность и иногда въ такихъ невѣроятныхъ количествахъ, что днемъ вода кажется переполненной красноватой кашей. Ночью эта каша создаетъ чудную картину свѣченія моря.

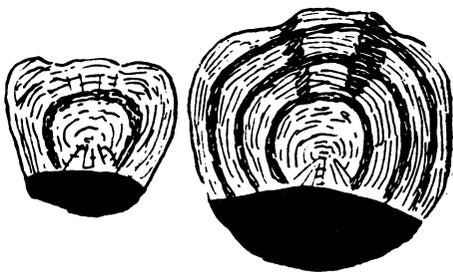
Чтобы погрузиться, почесвѣчка сокращаетъ свой объемъ, выдавливая нѣсколько пузырьковъ особаго красящаго вещества. Для того, чтобы вынырнуть, поглощаетъ воду и этимъ увеличиваетъ объемъ своего тѣла.

Съ нѣмецкаго — Л. Г.

Какъ опредѣлить возрастъ рыбы?

Возрастъ рыбы можно опредѣлить по ея чешуѣ. Дѣло въ томъ, что чешуя растетъ вмѣстѣ съ рыбой, и ежегодно вокругъ каждой чешуйки нарастаютъ новый слой. Каждый такой слой состоитъ изъ ряда тонкихъ полосъ. Если рыба хорошо питается (а это бываетъ лѣтомъ), полосы будутъ широки, если же она питается плохо (что всегда случается зимой), полосы будутъ узки. Поэтому на чешуѣ рыбъ чередуются свѣтлые, широкіе наросты, состоящіе изъ широкихъ лѣтнихъ полосъ, съ болѣе темными и узкими зимними наростами.

Особенно хорошо замѣтно это на крупной чешуѣ карпа (полезно при разсмотрѣніи пользоваться лупой). Наросты на чешуѣ чрезвычайно похожи на годичныя кольца на деревьяхъ. Какъ по годичнымъ кольцамъ мы легко можемъ опредѣлить возрастъ дерева, такъ и по чешуѣ, считая темные наросты, мы можемъ прочесть, сколько рыбѣ лѣтъ.

Если же у рыбы мелкая чешуя, и полосы разглядѣть трудно, то съ успѣхомъ можно пользоваться костями. На всѣхъ костяхъ, такъ же какъ на чешуѣ, ежегодно нарастаютъ новые слои, только на однихъ костяхъ это очень хорошо замѣтно, на другихъ нѣтъ. У судака, напр., и другихъ родственныхъ ему рыбъ это хорошо замѣтно на костяхъ жаберной крышки.

На рисункѣ изображены: слѣва чешуя двухлѣтняго, справа — четырехлѣтняго карпа.

ФОТОГРАФЪ - ЛЮБИТЕЛЬ.

Что такое свѣтопись, или фотографія ?

Фотографированіе.

Помѣстивъ аппаратъ на опредѣленномъ разстояніи отъ фотографируемаго предмета (разстоянія могутъ быть произвольными для каждаго отдѣльнаго случая), устанавливають рѣзкость на матовомъ стеклѣ. Установка на рѣзкость (фокусъ) достигается передвиженіемъ матоваго стекла или объектива (въ зависимости отъ конструкціи аппарата) и притомъ въ сторону сопряженнаго фокуса.

Сопряженный фокусъ.

Такъ называется разстояніе между матовымъ стекломъ и объективомъ при фотографированіи предметовъ въ натуральную величину. Это разстояніе всегда равно удвоенному постоянному фокусу аппарата. Въ каждомъ аппаратѣ матовое стекло помѣщается на разстояніи постояннаго фокуса, которымъ пользуются для фотографированія предметовъ, находящихся не ближе, чѣмъ въ 100 метрахъ отъ аппарата. При болѣе короткихъ разстояніяхъ приходится увеличивать фокусъ аппарата, передвиженіемъ стекла въ сторону сопряженнаго фокуса, который тоже въ каждомъ аппаратѣ является величиной постоянной.

Установка аппарата.

Устанавливая аппаратъ для съемки, надо слѣдить за тѣмъ, чтобы онъ не былъ сильно наклоненъ внизъ и не очень «смотрѣлъ» вверхъ.

Передняя стѣнка камеры должна быть параллельной передней части снимаемаго предмета. Это особенно важно при фотографированіи зданій, репродукціи картинъ и т. д.

Установку на фокусъ (рѣзкость) производятъ при совершенно открытомъ

Конкурсъ фотографовъ.

Юный читатель съ острова Кубы.
Фот. Сеидъ-Муратъ Абду-Захидовъ.

объективѣ (наибольшее отверстіе діафрагмы), при чемъ рѣзкость опредѣляется рѣзкостью изображенія главнаго фотографируемаго предмета. Потому, въ зависимости отъ того, что именно желательно получить рѣзкимъ, устанавливають то или иное отверстіе діафрагмы.

Опредѣливъ силу освѣщенія и, въ зависимости отъ него, время экспозиціи

(выдержку), удаляютъ рамку съ матовымъ стекломъ и замѣняютъ ее свѣточувствительной пластинкой, помѣщенной въ кассету.

Малѣйшее проникновеніе свѣта въ кассету можетъ испортить все дѣло, а потому вставляютъ кассету въ аппаратъ подъ покрываломъ, которымъ пользуются и при наведеніи на фокусъ.

Закрывъ объективъ крышкой или заведя затворъ, осторожно открываютъ кассету и производятъ экспозицію.

Экспозиція.

Экспозиція — время освѣщенія пластинки черезъ объективъ, необходимое для передачи изображенія на свѣточувствительный слой, — зависитъ отъ силы освѣщенія, окраски снимаемаго предмета, разстоянія его отъ аппарата, свѣтосилы объектива (т. е. отверстія диафрагмы) и степени чувствительности пластинокъ.

Сила свѣта (освѣщенія) находится въ тѣсной зависимости отъ времени года, состоянія погоды, часа и мѣстности.

Бунзенъ и Раске сдѣлали очень полезную для фотографа сводку этихъ условій и, въ связи съ нею, установили правила экспозиціи.

Въ краткихъ чертахъ мы приведемъ смыслъ труда Бунзена и Раске.

Свѣтъ усиливается вмѣстѣ съ восхожденіемъ солнца надъ горизонтомъ. Интенсивность разсѣяннаго свѣта въ тѣни въ первые утренніе часы усиливается, но затѣмъ вмѣстѣ съ приближеніемъ полдня ослабѣваетъ.

Интенсивность непосредственнаго солнечнаго свѣта къ полдню усиливается, къ вечеру ослабѣваетъ. Также сила свѣта лѣтомъ выше, чѣмъ зимой.

Химическая интенсивность свѣта (степень его дѣйствій на свѣточувствительный слой пластинки) до полдня сильнѣе; то же наблюдается надъ моремъ и въ горныхъ мѣстностяхъ и объясняется прозрачностью воздуха.

При опредѣленіи времени экспозиціи слѣдуетъ имѣть прежде всего въ виду освѣщеніе изображенія на матовомъ стеклѣ. Надо приучить глазъ опредѣлять степень силы свѣта въ различныхъ условіяхъ, а это достигается опытомъ. Никакія таблицы, какъ бы онѣ толково не были составлены, не могутъ помочь, если самъ свѣтописецъ не научится опредѣлять, въ зависимости отъ условій, время экспозиціи.

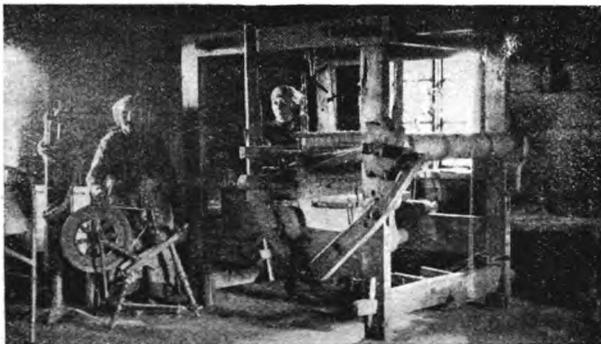
Для достиженія опыта можно посоветовать сдѣлать нѣсколько снимковъ при одинаковыхъ условіяхъ освѣщенія, положенія аппарата и диафрагмы, конечно, на одномъ и томъ же сортѣ пластинокъ. Послѣ проявленія не трудно выбрать одну изъ нихъ, наиболѣе правильную. Руководствуясь этимъ результатомъ, можно примѣняться къ условіямъ освѣщенія, увеличивая или уменьшая время экспозиціи, сравнительно съ нормальными снимками.

При правильной экспозиціи на негативѣ должны быть ясно видны подробности въ тѣняхъ, съ сохраненіемъ нѣжныхъ свѣтовыхъ мѣстъ.

Слѣдуетъ помнить также правило: чѣмъ больше раздвигается камера (что бываетъ при фотографированіи на близкихъ разстояніяхъ), тѣмъ продолжительнѣе и экспозиція; экспозиція увеличивается также въ зависимости отъ диафрагмы: чѣмъ меньше отверстие, тѣмъ больше экспозиція.

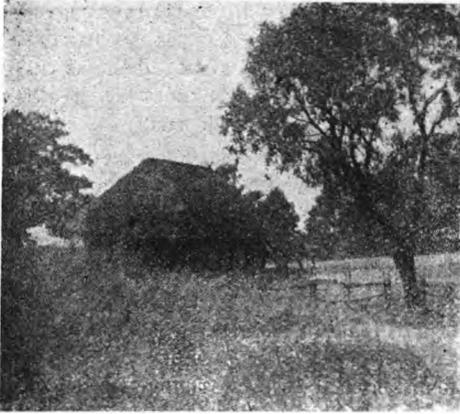
І. Борисъ.

Конкурсъ фотографовъ.

Въ литовской хатѣ. Фот. М. Борусевича.

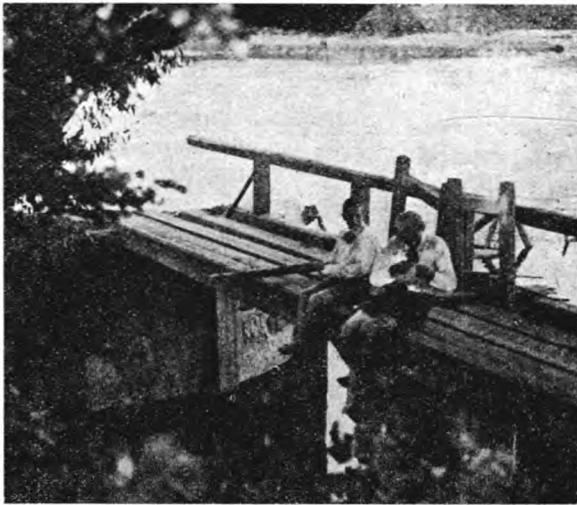
Конкурс фотографовъ.

Латвійскій пейзажъ. Фот. М. Панова.

Жнецы. Фот. Л. Повалькиса.

Удильщики на Огерѣ. Фот. Д. Кораблева.

Отвѣты на запросы.

Давиду Бравину. Среди присланнаго Вами есть интересные снимки. Часть помѣстимъ въ журналѣ. Нехорошо, что въ Вашихъ работахъ чувствуется небрежность. При съемкѣ Вы, напримѣръ, часто забываете придать аппарату горизонтальное положеніе, благодаря чему на многихъ снимкахъ горизонтъ у Васъ «падаетъ»; потомъ чувствуется плохое проявленіе негативовъ. Доставьте негативы въ редакцію для отбора изъ нихъ выставочнаго матеріала.

Меньшикову. Эта серія снимковъ лучше исполнена, чѣмъ предыдущая, но почти всѣ негативы перепроявлены, благодаря чему пропадаетъ на ландшафтахъ небо. Перейдите на ортохроматическія

пластинки и пользуйтесь при съемкѣ свѣтофильтромъ.

Помѣстимъ «Видъ на дорогу». Негативъ сохраните.

Негативы посылать надо почтовой посылкой. Для этого заверните ихъ въ бумагу и положите въ коробку. Бумагу нужно столько, чтобы негативы не болтались въ коробкѣ. Коробку заклейте.

В. Яскасу. Помѣстимъ изъ присланнаго «Берегъ рѣки». Сохраните негативъ.

Многимъ. Рѣшительно всякій снимокъ можетъ быть присланъ на конкурсъ. Стѣбаться количествомъ и качествомъ снимковъ не надо.

Русскія земскія почтовые марки.

Среди такъ называемыхъ «земскихъ» почтовыхъ марокъ Россійской Имперіи наиболѣе извѣстны марки Венденскаго округа (нынѣ входящаго въ составъ Латвійской Республики; самый городъ Венденъ по-латышски называется Цесисъ). Высокая оцѣнка венденскихъ марокъ побуждаетъ насъ сказать нѣсколько словъ о русскихъ земскихъ почтовыхъ маркахъ вообще. До сихъ поръ нѣкоторые коллекціонеры отрицаютъ за земскими марками всякое серьезное значеніе и собирателей такихъ марокъ считаютъ чудаками. Даже въ марочныхъ каталогахъ эти марки до сего времени обычно не упоминались — за исключеніемъ Венденскаго Округа. Однако «земскія» марки, которыми корреспонденція оплачивалась дополнительно — сверхъ имперскихъ почтовыхъ знаковъ — служили самостоятельными законными марками для оплаты писемъ въ предѣлахъ земствъ.

Земское самоуправленіе было введено въ Россіи въ 1864 году, и тогда же главное русское почтовое вѣдомство сократило обслуживаніе мелкихъ провинціальныхъ мѣстечекъ и селеній, передавъ почту въ провинціи земству. Земство за доставку корреспонденціи изъ уѣздныхъ городовъ въ уѣзды взимало дополнительную плату въ видѣ особыхъ для каждаго уѣзда почтовыхъ марокъ.

Уже одно это показываетъ, что земскія русскія марки не могутъ не считаться «настоящими» почтовыми марками, и должны были бы занимать почетное мѣсто въ коллекціи каждаго русскаго коллекціонера, свидѣтельствуя объ интересномъ періодѣ исторіи русской почтовой марки, создавшей особую разновидность почты, въ силу условій жизни въ необъятной Россіи, когда поч-

товое вѣдомство не могло обслужить само всѣ уголки нашей Родины.

Разумѣется, собраніе земскихъ почтовыхъ марокъ производилось и раньше, производится и теперь. Въ Россіи были извѣстны замѣчательныя собранія такихъ марокъ, оцѣнивавшіяся въ десятки тысячъ золотыхъ рублей. Въ Россіи существовало свыше 140 различныхъ земскихъ почтъ, которыя всѣ печатали собственныя почтовые марки.

Эти марки особенно интересны потому, что на ряду съ марками, подражающими рисункомъ обще-имперскимъ русскимъ маркамъ того періода, имѣются прекрасно исполненные рисунки съ эмблемами русскихъ городовъ. Земскія почтовые марки могли бы быть отличнѣмъ пособиемъ для изученія отечественнаго вѣдѣнія и географіи, и конечно имъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе передъ безчисленными новыми марками мелкихъ государствъ Европы и Америки.

Однако прославилась на весь міръ почему-то только марка Венденскаго Округа — быть можетъ, благодаря своему нѣмецкому тексту, а также потому, что она явилась родоначальницей всѣхъ русскихъ земскихъ марокъ и была впервые выпущена за годъ до введенія земскаго самоуправления въ русскихъ губерніяхъ (въ 1863 г.). Наиболѣе цѣнною является продолговатая четырехугольная марка съ нѣмецкою надписью: Почтовая марка Венденскаго Округа (черно-розовая безъ обозначенія стоимости — (2 коп.) и такая-же зеленая (стоим. 4 коп.). Въ томъ же году была выпущена марка обыкновеннаго русск. формата съ рисункомъ (зеленый овалъ и зелено-красный орнаментъ безъ обознач. стоимости — (2 коп.). Въ 1864 г. была выпущена марка съ эмблематич. рисункомъ — рука, держащая мечъ —

(красно-зеленая, безъ обознач. стоим. — (2 коп.). Стоимость каждой изъ упомянутыхъ марокъ — около 25 долларовъ, при чемъ при приобретении этихъ марокъ надо быть очень осторожнымъ, т. к. существуютъ перепечатки новѣйшаго времени. Ихъ можно отличить по бѣлой, болѣе толстой бумагѣ и по измѣнивш. окраскѣ.

Остальныя марки Венденской почты особой цѣнности не имѣютъ, кромѣ марки 1866-70 (оваль безъ зеленого ободка) и впервые зубченой марки съ эмблемой (рука съ мечомъ) 1872 г. — красно-зеленая.

Предварительные результаты конкурса «Юного Филателиста».

Закончившійся подсчетъ присланныхъ талоновъ далъ общую цифру — 485 шт. На нихъ наклеено 1485 марокъ, отпечатки которыхъ были помѣщены въ трехъ №№ «Юного Читателя».

Кромѣ того прислано нѣсколько талоновъ, на которыхъ проставлено количе-

ство собранныхъ марокъ (общимъ числомъ 1333), но самыя контрольныя марки отсутствуютъ; разумѣется, такіе талоны въ расчетъ не приняты.

Многіе читатели просили отсрочить срокъ конкурса до поздней осени, въ виду оторванности ихъ лѣтомъ отъ другихъ читателей, у которыхъ они могли бы позаимствовать контрольныя марки.

Окончательный результатъ конкурса будетъ оповѣщенъ въ № 19 «Юного Читателя».

Почтовый ящикъ. С. Зимину, Харбинь, Садовая 74. Пришлите заказнымъ лишнія марки Дальне-Восточной Республики (хорошіе экземпляры), взаменъ будутъ высланы Либавская и др. латв. серіи.

В. Харитонову, Прага. Венденскія марки достать въ Латвіи не легче, чѣмъ у васъ, и цѣны на нихъ едва-ли ниже. Отвѣтъ на остальные вопросы въ нашей замѣткѣ — «Земелія марки».

СПОРТИВНЫЙ УГОЛОКЪ.

Спортъ въ Ригѣ.

Лѣтній сезонъ въ Ригѣ прошелъ оживленно. Онъ открылся гасстролями чешскихъ футболистовъ. Команды «Дель-

счетомъ 4:0 и команду «Маккаби» 8:0. Затѣмъ въ Ригу пріѣхала знаменитая вѣнская футбольная команда «Гакоахъ». На этотъ разъ вѣнскіе футболисты игра-

Лучшіе пловцы Латвіи.

пицкій спорт. клубъ» и «Моравская Славія» играли противъ «Р. Ф. К.» Чехи побѣдили команду рижскаго «Ф. К.» со

ли гораздо слабѣе, чѣмъ въ прошломъ году; «Р. Ф. К.», побѣжденный въ прошломъ году «Гакоахомъ» со счетомъ

7:0, въ этомъ году проигралъ при результатѣ 2:1. Одновременно съ вѣнцами въ Ригѣ выступила будапештская команда «Виво». Венгерская команда играть слабѣе вѣнцевъ, но все же въ игрѣ съ мѣстными командами она добилась очень хорошихъ результатовъ.

Впервые выступила у насъ команда, составленная изъ лучшихъ футболистовъ Россіи. Въ составъ команды вошли игроки изъ Петрограда, Москвы, Харькова и Одессы. Русскіе футболисты зарекомендовали себя съ лучшей стороны, побѣдивъ команду «Р. С. С.» со счетомъ 12:0 и команду «Виво» при результатѣ 8:0! Русская команда является, несомнѣнно, одной изъ лучшихъ въ Европѣ, и жаль, что не пришлось ей встрѣтиться съ «Гакоахомъ»: эта встрѣча дала бы интересные результаты.

Кромѣ гастролей отдѣльныхъ футбольныхъ командъ, въ Ригѣ выступили государственныя команды Швеціи и Финляндіи. Шведы — хорошіе игроки и, тѣмъ не менѣе, потерпѣли жестокое поражение отъ государственной команды Латвіи со счетомъ 4:1. Но 13 авг. послѣдовало не менѣе жестокое разочарованіе: Финляндія, которая проиграла

Состязаніе на старинныхъ велосипедахъ въ Англіи.

Швеціи со счетомъ 3:2, неожиданно побѣдила Латвію съ результатомъ 4:1! 20 и 21 августа команда Латвіи гастролировала въ Ковно и побѣдила тамъ Литву со счетомъ 3:2.

Л. Б—гъ.

Команда „Моравская Славія“.

Греко-римская борьба.

Въ глубокой древности, во времена пышнаго расцвѣта античной Греціи, олимпийскія игры достигли наибольшей славы. Въ нихъ же, наряду съ состязаніемъ въ бѣгѣ, борьба считалась важнѣйшимъ и благороднѣйшимъ видомъ соревнованія. Лавровый вѣнокъ за пятиборье — идеаль каждому греческаго юноши — доставался лишь тому, кто

выигрывалъ первенство въ греко-римской борьбѣ.

Легендарный Милонъ Кротонскій, по словамъ Павзанія, получилъ на олимпийскихъ играхъ шесть пальмъ первенства за борьбу, изъ которыхъ первая была ему присуждена, когда онъ былъ еще ребенкомъ.

Знакомясь съ исторіей спорта, мы видимъ, что народы во все времена придавали большое значеніе упражненіямъ

въ борьбѣ. Въ частности у русскаго народа любимой забавой была борьба «въ охалочку» и «крестъ-накрестъ».

Въ наше время борьба, какъ видъ спорта и гимнастики, широко распространена во многихъ странахъ, особенно въ Финляндіи, Швеціи, Даніи и Германіи.

Въ Латвіи (въ Ригѣ) состоялся недавно (4, 5, 6 и 7 сентября) европейскій чемпионатъ греко-римской борьбы, привлекая широкое вниманіе публики:

широкъ Саламонскаго, въ которомъ происходили состязанія, былъ переполненъ.

Побѣдителями оказались: Рейберъ (Германія — вѣсъ пѣтуха), Вели (Эстонія — вѣсъ пера), Петерсонъ, (Швеція — легкій вѣсъ), Якобсонъ (Данія — средній вѣсъ), Руппъ (Германія — полутяжелый вѣсъ), Герингъ (Германія — тяжелый вѣсъ).

За лучшую технику почетныя награды получили: Ронисъ (Латвія), Якобсонъ (Данія).

ПО СВѢТУ.

Городъ - гигантъ.

Нью-Йоркъ — великолѣпнѣйшій городъ въ мірѣ, не имѣющій себѣ равнаго по величинѣ, многолюдности и техническимъ усовершенствованіямъ. Но не только на улицахъ, расположенныхъ на поверхности земли, наблюдается оживленіе и совершенно необычное для вѣхъ другихъ городовъ движеніе, — нужно спуститься на глубину нѣсколькихъ этажей подъ землю, чтобы увидѣть другой, такой же городъ: улицы со снующими автомобилями, прекрасныя магазины и подземную желѣзную дорогу. Спуститься сюда можно не только со специальныхъ вокзаловъ, но изъ каждаго дома, при помощи подъемныхъ машинъ.

Дома въ Нью-Йоркѣ очень высокіе, въ большинствѣ случаевъ прямоугольныя. Самый высокій «небоскребъ», это — торговый домъ Больворта: въ немъ 60 этажей. Число людей, которые въ день перебиваютъ въ этомъ домѣ, исчисляется десятками тысячъ. Главная улица Нью-Йорка называется Бродвей и имѣетъ въ длину 30 километровъ. Хорошій пѣшеходъ можетъ совершить этотъ путь съ одного конца на другой въ 6 часовъ.

Вечеромъ эта улица оставляетъ неизгладимое впечатлѣніе. Свѣтотыя рекламы появляются въ неисчислимомъ количествѣ, все мелькаетъ, свѣтится, тухнетъ и снова загорается.

Въ витринахъ магазиновъ вы увидите игрушечныя вагоны, блужащія по рель-

самъ, миниатюрныя модели машинъ въ движеніи. Но это отнюдь не выставка игрушечнаго магазина, это реклама какаго-то новаго технического усовершенствованія на желѣзной дорогѣ или на какомъ-либо механическомъ заводѣ.

Реклама здѣсь бываетъ очень разнообразна. Такъ, напримѣръ: на углу улицы васъ бесплатно фотографируютъ; въ то время, когда васъ снимаютъ, играетъ граммофонъ, который вамъ предлагаютъ купить, рассчитывая на то, что бесплатное фотографированіе приведетъ васъ въ благодушное настроеніе и расположитъ къ покупкѣ.

Цѣлыя столбцы газетъ съ злободневными новостями печатаются свѣтотыными буквами на ночномъ небѣ.

Всѣ витрины всю ночь освѣщены; тысячи столовыхъ набиты людьми. Конечно передвиженія почти нѣтъ въ Нью-Йоркѣ. Зато десятки тысячъ автомобилей снуютъ по улицамъ. Автомобили, относительно, дешевы, и потому даже люди средняго достатка могутъ позволить себѣ эту роскошь. Автомобильная фирма «Генри Фордъ» выпускаетъ каждыя четыре минуты новый автомобиль. Цѣна такому автомобилю 50 долларовъ, и притомъ допускается разсрочка платежа. Въ среднемъ каждый 8-й американецъ является собственникомъ автомобиля, а въ Калифорніи каждый 4-ый.

Что поражаетъ въ Нью-Йоркѣ — это отсутствіе толкотни, давки и какаго-

либо неудобства при столь необычайномъ движеніи и переполненіи улицъ людьми и автомобилями. Толпа здѣсь поразительно дисциплинирована: люди двигаются, точно автоматы, и одинъ жестъ полисмена въ одну секунду останавливаетъ всѣ автомобили, трамваи и людей. При этомъ нѣтъ ненужнаго шума, ругани или нетерпѣнія. Всѣ безпрекословно подчиняются установившемуся порядку.

Чтобы попасть на какой-либо поѣздъ, вамъ не приходится становиться въ очередь, чтобы купить билетъ. Вы бросаете никелевую монетку въ воронку, и входъ на вокзалъ открывается.

На желѣзной дорогѣ существуетъ четыре колеи: двѣ по обѣимъ сторонамъ для поѣздовъ, которые останавливаются на каждой станціи, и двѣ посреди нѣ для экспрессныхъ вагоновъ, которые останавливаются только на главной станціи. Разницы въ цѣнѣ нѣтъ никакой: кто опустил монетку, можетъ ѣхать куда угодно и какъ ему угодно.

Когда поѣздъ приходитъ въ движеніе, двери автоматически закрываются и такъ же точно сами открываются, лишь только поѣздъ останавливается. Всюду автоматы замѣнили людей.

Реклама распространена на всѣ отрасли труда и во всѣхъ учрежденіяхъ: если вы пришли въ банкъ, на каждомъ столѣкъ найдете рекламу такого сорта: «Вы нервны, утомлены, поѣзжайте въ курортъ, тамъ поправитесь, но не забудьте перевести деньги черезъ нашъ банкъ и записаться сейфомъ (несгораемымъ хранилищемъ) для вашихъ цѣнныхъ вещей.»

Во всѣхъ американскихъ учрежденіяхъ всѣ служащіе, начиная отъ директора и кончая мальчикомъ, на посылахъ, спокойны, дѣловиты и сдержанны.

Въ Нью-Йоркѣ на каждомъ шагу существуютъ бесплатныя вечернія школы. Всѣ виды знаній доступны каждому. Происхождение и положеніе не играютъ никакой роли, и каждый можетъ, если захочетъ, и имѣть въ наличіи способности, стать адвокатомъ, докторомъ, ученымъ.

Еще слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о перворазрядныхъ гостиницахъ Нью-Йорка.

Въ подвальномъ помѣщеніи каждой такой гостиницы находится вокзалъ под-

Нью-Йоркъ. Бродвей.

земной желѣзной дороги. Здѣсь останавливаются всѣ поѣзда, включая экспрессные. Множество подъемныхъ машинъ доставляютъ во всѣ этажи. Въ каждой гостиницѣ есть свое почтовое отдѣленіе и театральное бюро продажи билетовъ во всѣ театры. На крышѣ въ большинствѣ случаевъ прекрасный садъ съ рестораномъ. Въ стѣнѣ каждого номера щель для опусканія писемъ, причемъ опущенное письмо сразу попадетъ въ почтовое отдѣленіе. Въ гостиницахъ около 2000 комнатъ.

Каждый этажъ имѣетъ свою центральную телефонную станцію: если въ ваше отсутствіе васъ вызываютъ по телефону, — вы, придя домой, находите на своемъ столѣ телефонограмму, изъ которой вамъ станетъ извѣстно, кто васъ вызывалъ и по какому дѣлу.

Большія гостиницы выпускаютъ свою собственную газету, большая часть которой посвящена объявленіямъ и рекламѣ, но есть и новости дня.

Если постоялецъ любитъ поспать подольше, онъ долженъ нажать соответствующую кнопку, и надъ дверью выскакиваетъ надпись: «не мѣшать». Когда администраціи гостиницы становится

известно объ отъздѣ гостя, за нѣсколь-
ко дней въ комнатѣ появляется надпись:
«не опоздайте на поѣздъ».

Въ каждой комнатѣ есть своя ванная
комната: тамъ лежитъ обязательно ку-
сокъ мыла и рабочая коробка съ нит-
ками, шелками и пуговицами. Сапожные
щетки и все для чистки сапогъ вы по-
лучите въ каждой гостиницѣ, но сапогъ
вамъ ни одинъ служащій не почиститъ.
Но зато на всѣхъ углахъ улицъ сидятъ
чистильщики сапогъ, большею частью
негры. Все можно достать въ Нью-Йоркѣ,

кромѣ спиртныхъ напитковъ, которые
воспрещены къ продажѣ.

Очень интересна и объемиста нью-
йоркская газета. Воскресный выпускъ
ея вѣситъ около одного русскаго фунта,
въ немъ отъ сорока до пятидесяти боль-
шихъ страницъ и приложеніе съ пре-
красными иллюстраціями.

Редакціи крупныхъ газетъ занимаютъ
цѣлые дома и живутъ какъ-бы отдѣль-
нымъ міромъ: у нихъ есть своя клиника,
своя столовая и множество другихъ
учрежденій, обслуживающихъ нужды
сотрудниковъ.

Е. Г.—гь.

Юные нарушители закона.

Куаніе съ берега въ лондонскомъ
Гайдъ-Паркѣ, разумѣется, строго вос-
прещено. Наша фотографія запечатлѣла
забавный моментъ, когда женщина-
полицейскій накрыла цѣлую группу ма-

ленькихъ нарушителей закона. Дѣтвора
улетѣваетъ отъ грознаго врага, оста-
вивъ на произволъ судьбы свои рубаш-
ки и штанишки.

ОБО ВСЕМЪ ПОНЕМНОГУ.

Вигвамъ на крышѣ небоскреба.

Обычай и строй жизни американскихъ
индѣйцевъ совершенно измѣнились те-
перь подъ вліяніемъ европейской куль-
туры. Только въ дикомъ уголкѣ Даль-
няго Запада сохранилось нѣсколько пле-
менъ, ведущихъ прежній образъ жизни,
знакомый вамъ по описаніямъ въ раз-
личныхъ романахъ съ приключеніями.

Но и эти вольные сыны прерій соблаз-
няются иногда желаніемъ посмотрѣть
на жизнь бѣлыхъ и дѣлаютъ экскурсіи
въ большіе города.

Недавно прибыла въ Нью-Йоркъ группа
индѣйцевъ племени черноногихъ. Ихъ
встрѣтили и приняли очень хорошо. По-
селили въ роскошномъ отелѣ. Но жизнь
въ каменномъ домѣ, снабженномъ элек-

тричествомъ, центральнымъ отопленіемъ и т. п. достижениями культуры, приплась не по вкусу индѣйцамъ. Они тосковали по свѣжемъ воздуху.

Разбить лагерь за городомъ было неудобно изъ-за большого разстоянія. Жизнь въ отелѣ стала невыносимой. Но вотъ вождю Пантерѣ пришла въ голову блестящая мысль — разбить вигвамъ на плоской крышѣ небоскреба. Разрѣшеніе было получено, и индѣйцы поселились на крышѣ. Здѣсь къ ихъ услугамъ былъ и желанный свѣжій воздухъ, и они могли любоваться видомъ громаднаго города, не покидая лагеря.

Только множество любопытныхъ, желающихъ взглянуть на необыкновенное зрѣлище, докучали сынамъ пустыни. Но любопытные платили за безпокойство, и потому съ ними можно было примириться: даже сыны Дальняго Запада знакомы съ силой бѣлыхъ кругляковъ, носящихъ названіе долларовъ.

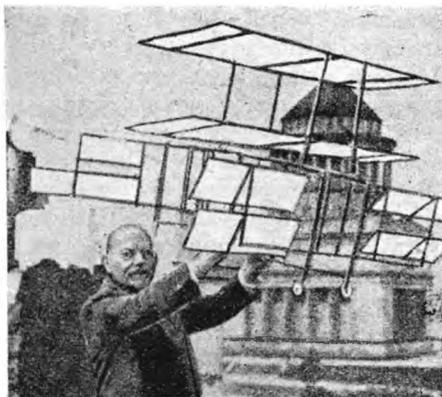
Изъ исторіи компаса.

Когда человѣчество впервые познакомилось съ компасомъ?

Отвѣтить на этотъ вопросъ очень трудно. Распространенные рассказы о томъ, что изобрѣтеніе компаса относится къ XIV вѣку, когда нѣкто Флавіо Джойа ввелъ его въ употребленіе въ Европѣ, — ни на чемъ не основаны. Слухи о компасѣ проникли въ Европу гораздо раньше — еще въ XI вѣкѣ; въ концѣ XII столѣтія компасъ уже упоминается въ одномъ французскомъ стихотвореніи. Но истинными изобрѣтателями компаса являются, повидимому, китайцы; есть достовѣрные указанія на то, что китайцы пользовались компасомъ уже въ VIII вѣкѣ до Р. Хр., во время своихъ далекихъ плаваній изъ Кантона вдоль южнаго берега Азии, мимо Цейлона до Персидскаго залива.

Любопытно, что у китайцевъ компасъ назывался не указателемъ сѣвера, какъ у насъ, а указателемъ юга. Конечно, разъ полоска намагниченной стали однимъ концомъ всегда показываетъ на сѣверъ, то противоположный конецъ ея такъ же неизмѣнно указываетъ на югъ, — но для европейскаго слуха китайское названіе компаса звучитъ очень стран-

Безмоторный аэропланъ.

Помѣщаемъ снимокъ новой модели безмоторнаго аэроплана, который, по утверженію изобрѣтателя (нью-йоркскаго инженера), сможетъ приводиться въ движеніе съ помощью педалей.

но. Оно произошло, по всей вѣроятности, оттого, что въ своихъ странствованіяхъ китайцы издавна руководились не полярной звѣздой, а преимущественно солнцемъ.

Китайскіе и японскіе «указатели юга» во многихъ случаяхъ имѣютъ очень своеобразный видъ; такъ, на повозкахъ, предназначавшихся для далекихъ поѣздокъ, имъ придавали форму человѣческой фигуры, легко поворачивающейся вокругъ оси. Благодаря магниту, находящемуся внутри фигурки, она всегда указывала своей вытянутой рукой на югъ. При путешествіяхъ по обширнымъ пространствамъ Китая, подобныя «магнитныя повозки» были очень полезны, такъ какъ давали возможность ориентироваться въ дорогѣ. Повозки снабжались также и счетчиками, автоматически отмѣчавшими длину пройденнаго пути: по прохожденіи каждой мили маленькая фигурка ударяла въ колокольчикъ, а послѣ каждого десятка миль другая фигурка ударяла въ гонгъ; само собою разумѣется, что фигурки приводились въ движеніе вращеніемъ колесъ повозки. Уже 4000 лѣтъ назадъ китайскіе императоры ѣздили по своему цар-

ству въ такихъ «таксомоторахъ», снабженныхъ компасами, между тѣмъ какъ европейскіе мореплаватели пользуются компасами менѣе тысячи лѣтъ.

О томъ, какой видъ имѣли морскіе компасы въ старину, можно судить по древнѣйшему описанію этого прибора у одного арабскаго ученаго XIII вѣка.

«Мореходы, плавающіе по Сирійскому морю, желая опредѣлить направленіе strapsъ свѣта въ темную ночь, когда звѣзды невидимы, ставятъ на суднѣ внизу, куда не задуваетъ вѣтеръ, бочку, наполненную водой. На воду пускаютъ магнитную стрѣлку, укрѣпленную на деревянномъ крестѣ, и если этотъ крестъ можетъ свободно двигаться, то стрѣлка укажетъ сѣверъ и югъ».

Вообще компасъ игралъ въ жизни об-

тателей древняго Китая видную роль. «Магнитная стрѣлка — пишетъ Лакуръ въ своей «Исторической физикѣ» — служила у китайцевъ также для опредѣленія того, какъ слѣдуетъ располагать строящийся домъ. Не было необходимости располагать домъ непременно въ направленіи съ сѣвера на югъ; другія направленія также имѣли свое значеніе и свое счастливое вліяніе. Отсюда вошло въ употребленіе дѣленіе, при помощи котораго можно было опредѣлить различныя направленія относительно сѣвера и юга.»

Такъ зародился нашъ современный компасъ, легкая стрѣлка котораго повицуется могучей силѣ невидимыхъ магнитныхъ нитей, окутывающихъ весь земной шаръ.

Ю М О Р Ъ.

Смышленный сынокъ.

— Папочка! Въ лодкѣ вода. Можно вынуть въ днѣ пробку, чтобы вода вытекла?

Русалочка: — Ты умѣешь плавать?
Мальчикъ: — Нѣтъ... а ты... умѣешь ходить?

ИГРЫ и ЗАНЯТІЯ.

Шуточная задача.

Нарисуйте 6 черточекъ: II II II и предложите кому-нибудь — поставивъ только еще двѣ дополнительныя точки — сдѣлать такъ, чтобы эти черточки замѣнили собою цѣлыхъ 6 словъ.

А вотъ и рѣшеніе: II. II. II

Оно означаетъ: Одиннадцатое ноября тысяча девятьсотъ одиннадцатаго года.

Такимъ образомъ датируется на почтѣ корреспонденція.

Шуточный вопросъ.

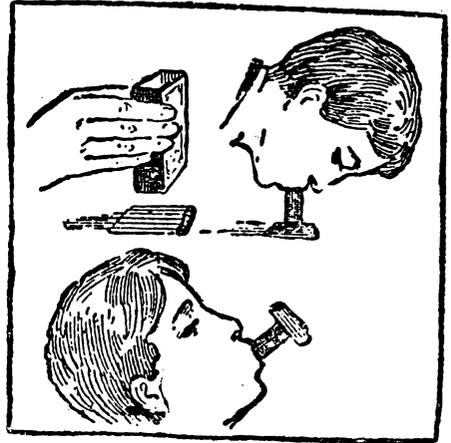
Какое сходство между цифрою 9 и павлиномъ?

Отвѣтъ: И девятка, и павлинъ безъ хвоста — нуль!

Маленькій фокусъ.

Положите на столъ нѣсколько спичекъ (вплотную другъ къ дружку) и тутъ же поставьте оболочку отъ спичечной коробки. Затѣмъ спросите присутствующихъ, кто изъ нихъ сможетъ поднять эту оболочку вмѣстѣ со спичками, не прикасаясь къ нимъ руками или (могутъ найтись и такіе фокусники) — ногами.

Заключивъ пари, что вы сами легко продѣлаете этотъ фокусъ, возьмите оболочку ртомъ и прижмите другое ея отверстие къ спичкамъ (см. рисунокъ). Затѣмъ втяните въ себя воздухъ изъ оболочки, и тогда спички окажутся плотно прижатыми (давленіемъ наружнаго воздуха) къ оболочкѣ, и вы легко поднимете ихъ на воздухъ.

КОНКУРСЪ ЗАДАЧЪ.**Задача № 35.**

На шестидесяти минутныхъ дѣленіяхъ циферблата часовъ расположить шестьдесятъ буквъ такимъ образомъ, чтобы получились слова, означающія:

1—6: рѣка на Кавказѣ; 4—8: неприятный шумъ, 6—10: горный массивъ въ Россіи, 8—13: грозное явленіе природы, 12—16: рѣдкость, 14—17: мифологическій герой, 16—22: складъ, 20—24: рыба, 22—26: у млекопитающихъ, 25—29: замѣчательный человекъ, 27—32: орудіе, 30—35: губернский городъ, 34—39: извѣстный русскій писатель, 37—41: произведение Гоголя, 39—45: англійскій адмиралъ, 43—47: поэтическое произведение, 45—49: коммерческій терминъ, 48—51: древняя книга, 50—54: нарѣчіе, 53—57: сосудъ, 55—59: повозка, 58—3: музыкальный инструментъ.

Составила М. А—а, Рига.

Фамилии правильно рѣшившихъ эту задачу, помѣщаемую внѣ конкурса, будутъ напечатаны въ № 20 журнала.

Рѣшенія принимаются отъ всѣхъ читателей, безъ приложения талоновъ.

Рѣшеніе задачъ:**№ 32.**

Раздѣлить данный кругъ на четыре равныхъ части двумя одинаковыми, взаимно пересѣкающимися кривыми, имѣ-

ющими форму большого французскаго S, сумѣли всѣ безъ исключенія участники конкурса, но... вѣрнаго рѣшенія задачи добились только восемь человекъ, догадавшіеся, что большую четырехконечную звѣзду (остальные 20 пятиконечныхъ) нужно перемѣстить на середину круга, гдѣ линіи разсѣкутъ ее на четыре равныя части, и такимъ образомъ въ каждой четверти круга получится по 5 пятиконечныхъ звѣздъ и по одной четверти четырехконечной звѣзды.

Правильно рѣшили задачу и получаютъ преміи: П. Абрамовъ, Эдинбургъ; В. Жуковъ, Польша, Лодзь; Р. Круминьшъ, О. Петерсонъ и Э. Шнейдеръ (Рига), А. Рындинъ, Эстонія, Юрьевъ.

Кромѣ нихъ правильно рѣшили: Б. Истомино и Н. М—ва (Рига).

Первымъ пяти нашимъ читателямъ выслано изданіе Акц. О-ва Печ. Дѣл. «Саламандра» — «Капитанская дочка» А. С. Пушкина.

Кто придумалъ новый лабиринтъ?

Редакціей было получено не мало «проектвовъ» новыхъ лабиринтовъ, но при внимательномъ разсмотрѣніи ихъ обнаружилось, что новаго ни въ одномъ изъ нихъ ничего не оказалось. Исключеніемъ является совсѣмъ особен-

ный лабиринтъ одного изъ постоянныхъ участниковъ нашихъ конкурсовъ А. Н—а, Рига. Этотъ лабиринтъ вообще не открываетъ доступа къ «центру». Одинъ изъ интересныхъ лабиринтовъ будетъ напечатанъ въ «Юномъ Читателѣ» при условіи, если авторъ его, рижанинъ Б. Н., зайдетъ въ редакцію и

откроетъ секретъ своего изобрѣтенія. Главный недостатокъ всѣхъ остальныхъ лабиринтовъ — небрежный рисунокъ и многочисленныя поправки, въ которыхъ трудно разобраться.

Удачѣ другихъ составили свои лабиринты М. Аронзинъ изъ Ковно и Соия З. (Рига).

Издатель: А.О Печ. Дѣла „Саламандра“.

Редакторъ: Л. Кормчій.
Отв. редакторъ: Е. Н. Андрусова.

Условія конкурса.

Въ конкурсѣ могутъ принимать участіе всѣ желающіе. Каждый экземпляръ журнала снабжается талономъ, дающимъ право присылать матеріалъ для конкурса.

На каждомъ талонѣ указанъ срокъ отправки. Лица, желающія принять участіе въ конкурсѣ, направляютъ въ редакцію свои фотографическія работы, обязательно прилагая талонъ.

Фотографіи, по мѣрѣ поступления ихъ въ редакцію, помѣщаются на страницахъ журнала съ указаніемъ имени автора работъ.

За лучшія работы будутъ выданы цѣнныя преміи:

- одна премія за снимки животныхъ и растений;
- одна премія за снимки историческихъ мѣстностей и памятниковъ старины;
- одна премія за снимки бытовыхъ сценъ;
- одна премія за снимки видовъ природы;
- одна премія за снимки типовъ народовъ, національных костюмовъ и т. п., и
- одна премія трудолюбія — за наибольшее количество присланныхъ работъ.

Изъ лучшихъ работъ нашихъ фотографовъ-любителей, ко дню присужденія премій по конкурсѣ, будетъ устроена въ Ригѣ

ВЫСТАВКА

Выставляемыя работы будутъ увеличены до размѣровъ картинъ.

Работы адресовать:

Latvija. Rīgā, Valdemara ielā 63, редакція журн. „Юный Читатель“.
„Фотографъ“.

Пятый талонъ большого конкурса „ФОТОГРАФА-ЛЮБИТЕЛЯ“.

Имя и фамилія

Адресъ

Количество снимковъ

Срокъ отправки талона 5-е октября с. г.

Изданія Акц. Об-ва Печатн. Дѣла „САЛАМАНДРА“, Б. Кузнечная 43.

„Перезвоны“

Литературно - худож. иллюстр.
журналъ.

Цѣна № — 1 лать.

„Юный читатель“

Журналъ для семьи и юно-
шества.

Цѣна № — 60 сантимовъ.

„Новая Недѣля“

иллюстрирован. еженедѣльникъ

Цѣна № — 30 санг.

Дешевая библиотѣка.

(Капитанская дочка, Тарасъ
Бульба, 2 выпуска Вечеровъ на
хуторѣ близъ Диканьки и т.д.)

Выпускъ — 60 сантимовъ.

„Родина“

Сборникъ ко дню Русской
— Культуры. —

(4 цвѣтныхъ илл. и 60 одноцвѣтныхъ).

Цѣна — 1 лать.

„СЛОВО“

дневная, а по праздникамъ
утренняя газета.

№ — 10 сантимовъ.

Біологическія и декоративныя художественнаго исполненія коллекціи птицъ, пригодны учебнымъ заведеніямъ для изученія орнитологiи и классовъ рисованія, также художникамъ и для украшенія квартиръ.

Приведеніе въ порядокъ коллекцій. Классификація всѣхъ европейскихкихъ птицъ. Составленіе каталоговъ названій птицъ на 6-ти европейскихкихъ языкахъ.

Покупка птицъ для выдѣлки. Работы всегда выставлены въ оконной витринѣ для обозрѣнія.

Митава. Почтовая 2.

Препараторъ-коллекторъ МАТОРИНЪ.

Къ учебному сезону.

Производство :

УЧЕНИЧ. СУМКИ и РАНЦЫ. ЧЕМОДАНЫ

кожан, фибров., брезентов., гранитолев. и разн. дорожн. вещи, портфели, подтяжки и т. д.

ТОЛЬКО ОПТОМЪ

„Elastik“

Рубинштейнъ и Фогелевичъ.

Minsterejas ielā № 4

Сборная (уг. Господск.) Тел. 2-0-8-6-7

Школьники!

Ранцы, сумки, ученическ. портфели, туфли для балета и спорта вы покупаете въ магазинѣ изящн. кожан. издѣлій

А. РАТФЕЛЬДЕРЪ,

(бывш. ПАРТУМЪ)

Основ. въ 1885 г.

Известковая улица (Kaļķu ielā) № 23, телефонъ 81-45

Цѣна 60 сант. (30 латв. руб.). Заграницей: въ Европѣ 15 амер. центовъ, въ Америкѣ, Азiи, Африкѣ и Австралии — 20 амер. центовъ.